

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-380-452

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Филологический факультет Московского университета в 1949 году. Избранные материалы

П.А. Дружинин

Аннотация: Документы из фонда Министерства высшего образования СССР (Госархив РФ) раскрывают историю «борьбы с космополитизмом» 1949 г. в рядах московских филологов, прежде всего, профессоров и преподавателей МГУ. Эта кампания проводилась в русле общегосударственной политики, направленной на изгнание евреев с руководящих постов в вузах и научных организациях, и получившей название «борьбы с космополитизмом». В результате такой чистки по национальному признаку научные школы и научно-педагогические кадры понесли невосполнимый урон, предопределивший серьезную стагнацию в развитии отечественной науки. Вместе с тем, документы МВО СССР дают неизвестные ранее данные, в частности о запланированной специальной чистке ученых на кафедрах западных литератур вузов Москвы, которая не была осуществлена.

Ключевые слова: история филологии, наука и идеология, космополитизм, 1949 год, антисемитизм, тоталитаризм, политика в области образования, МГУ

Информация об авторе: Петр Александрович Дружинин, к.ист.н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: petr@druzhinin.ru

«Борьба с космополитизмом», оставившая в 1949 году неизгладимый след в судьбе отечественной науки, имеет свою большую, трагическую историю. Причиной рождения этого исторического феномена стало несколько факторов. Основными мы считаем два: во-первых, желание руководства страны (в лице главного гражданина СССР) ликвидировать послевоенное разномыслие, окончательно усмирить интеллигенцию, поставив ее на службу главной идее момента истории – «догнать и перегнать» Соединенные Штаты Америки. Во-вторых, именно в 1949 году получила свое развитие сформированная мироощущением той же инстанции политика «государственного антисемитизма»; причем последняя не просто символизировала нетерпимость к проявлению некоторыми гражданами своей национальной идентичности, но демонстрировала расцвет исконно-русского, «махового» антисемитизма, который сдерживался все годы существова-

ния советского общества. Синергетический эффект этих факторов, когда в результате кампании 1949 года значительное число русских ученых (преимущественно евреев по крови) были лишены возможности продолжить свою научную и преподавательскую деятельность, стал приговором и науке в целом. Отдельные направления оказались лишены главных своих представителей, а результаты стагнации в гуманитарных науках после «чистки 1949 года» ощущаются до сего дня.

В свое время нами была в подробностях рассмотрена ситуация, сложившаяся в данном контексте в филологической науке Ленинграда, прежде всего, изгнание «литературоведов-космополитов» из Ленинградского университета и Пушкинского Дома Академии наук СССР¹. В силу обособленности Ленинграда как научного и политического центра вкупе с раскручиванием «Ленинградского дела», ситуация там в 1949 году оказалась особенно тяжелой. Однако ученых-евреев шельмовали тогда на просторах всей нашей бескрайней родины, в том числе и в Москве: в Институте мировой литературы Академии наук СССР и на филологическом факультете Московского университета, в других советских учреждениях.

Мы сделали выборку документов, посвященных «борьбе с космополитизмом» на филологическом факультете МГУ, которые сохранились в фонде Министерства высшего образования (МВО) СССР в ГА РФ.

Именно МВО СССР должно было, с одной стороны, проводить кадровую и идеологическую политику руководства страны в подчиненных учреждениях; с другой — должно было отчитываться перед тем же руководством о своих действиях по проведению этих решений. То есть нам представляется, что все действия МВО СССР и его руководителей были в значительной степени вынужденными, и будь ситуация в стране иной — ни министр С.В. Кафтанов, ни его верные замы и помы — А.М. Самарин, К.Ф. Жигач, А.В. Топчиев и прочие им подобные не оказались бы столь кровавыми. Однако ссылки на эпоху, на то, что происходило всё, говоря словами Б.М. Эйхенбаума, «в это дикое время, среди этого мракобесия, лакейства и подлости», ни в коем случае не должно и не может оправдать послушных и квалифицированных исполнителей высочайшей воли, которые являлись звеньями единого механизма советского тоталитаризма — жестокого и беспощадного.

¹ См.: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; *Они же.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135; *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Судьба «космополитов» филологического факультета МГУ неразрывно связана с судьбой всех «литературоведов-космополитов» Москвы. Каждое научное и учебное учреждение в 1949 году в обязательном порядке выявило таковых, и потом их публично линчевало на общих собраниях. Ученых там разоблачали, унижали, топтали, доводили до инфарктов... Но никаких кадровых решений формально не принималось – оргвыводы были прерогативой партийных и государственных органов; и приговор об изгнании профессора из вуза выносило (или санкционировало) только Министерство высшего образования или сектор науки ЦК. Чтобы соблюсти заведенный порядок, сперва МВО снаряжало комиссию, которая работала в вузе рука об руку с парторганизацией, или даже с параллельной комиссией райкома партии; эта комиссия делала вывод о неудовлетворительности ситуации и ее «виновниках». Затем проводились партсобрания и открытые заседания ученых советов – именно эти линчевания «прославили» кампанию 1949 года. И только после всех этих мероприятий выносился окончательный приговор. Для его вынесения обычно созывалось специальное заседание Коллегии МВО СССР, к этому заседанию заранее готовился проект решения; на заседание Коллегии приглашались, и там же заслушивались, ректоры и деканы, затем вопрос обсуждался членами Коллегии, редактировались подготовленные проекты решений. После того, как Коллегия подготовила итоговый документ, его визировал и редактировал министр С.В. Кафтанов, и далее документ отправлялся на согласование в ЦК ВКП(б), и уже после одобрения (редактирования) главной инстанцией – подписывался итоговый документ, обычно в форме приказа МВО СССР.

Заседания коллегии МВО проходили в закрытом режиме, и сохранившиеся материалы – протоколы и стенограммы – имеют гриф «Секретно». Этот гриф объясняется не столько тотальным засекречиванием в годы позднего сталинизма, связанным со страхом перед мнимыми действиями западных спецслужб, сколько специфическими и вечными чертами отечественного делопроизводства, когда секретность есть верный помощник в принятии неправых решений.

Наиболее важные решения Коллегии, можно сказать программные, превращались в приказ министра и публиковались в ведомственном издании «Бюллетень Министерства высшего образования СССР»; таким образом, охват аудитории многих приказов оказывался значительно шире, нежели профессорско-преподавательский состав какого-либо одного конкретного вуза: он фактически становился директивой всем вузам страны.

Судьба московских литературоведов обсуждалась на заседании Коллегии МВО СССР 23 апреля 1949 года. Примерно за неделю до

заседания был подготовлен и размножен на ротаторе проект решения Коллегии, которое было озаглавлено «Об антипатриотической деятельности группы космополитов на кафедрах западной литературы в высших учебных заведениях Москвы», тем самым практически переключаясь с заголовком общеизвестной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была напечатана 28 января в «Правде» и символизировала начало кампании по «борьбе с космополитизмом».

Однако именно в эти дни в Кремле решили, что если не сорвать стоп-кран, то всесоюзное избиение евреев лишит социалистическое отечество столь великого числа квалифицированных специалистов во всех областях, что невозможно будет ни «догнать», ни уж тем более «перегнать». И неожиданно разоблачение «евреев-космополитов» было спущено на тормозах. Конечно, проработали «для профилактики», притом сурово, но той гигантской бойни, которая была в Ленинграде – Московскому университету и западным кафедрам столичных вузов удалось избежать. Около 10 марта 1949 года на совещании в ЦК М.А. Сулов уже директивно распорядился поумерить пыл в деле повсеместного разоблачения «безродных космополитов».

Вопрос «Об антипатриотической деятельности группы космополитов на западных кафедрах», рассмотрение которого стояло в плане Коллегии МВО на 23 апреля 1949, был снят за два дня до заседания, превратившись в нейтральный «О состоянии преподавания западной литературы в вузах г. Москвы», которому предшествовал вопрос «О работе филологического факультета МГУ». Причем, если первоначальный проект решения о «евреях-космополитах», был подготовлен К.Ф. Жигачем и А.В. Топчиевым за неделю до заседания (он был размножен на ротапринтере для участников Коллегии), то «новые» проекты, которые следовало писать уже в ином ключе, готовились министерством в страшной спешке – проект решения по вопросу филологического факультета МГУ был завершён лишь накануне – 22 апреля, а по второму вопросу – проект подготовить не успели вовсе. Однако и обсуждение, и решения Коллегии не могли не соответствовать ожиданиям партии и народа. К тому же, в составе Коллегии были проверенные бойцы идеологического фронта, которые хотя бы ради собственного спокойствия должны были «принять меры». Именно они в течение двух дней (23 и 24 апреля) обсуждали насущные вопросы высшего образования.

Ниже мы приводим ряд архивных документов, относящихся к памяtnому заседанию Коллегии 23 апреля 1949 года, которое проходило под председательством заместителя министра, металлурга А.М. Самарина. Документы снабжены необходимыми комментариями, лаконичность которых объясняется ограниченностью объема

данной публикации. Для сравнения мы оставили в составе стенограммы пункт с обсуждением состояния западных кафедр, а в виде приложения — проект решения по этому вопросу; указанные дополнения позволяют не только увидеть, как ужасающе могло повернуться это обсуждение для «литературоведов-космополитов», но и то, насколько все-таки сравнительно легко отделался в 1949 году коллектив филологического факультета МГУ.

При обсуждении интересующих нас вопросов на Коллегии МВО присутствовало, не считая стенографисток, более тридцати человек. Кроме председательствующего в этот день в зале заседаний сидели члены Коллегии, сотрудники министерства, а также приглашенные лица, в том числе представители партийных органов: П.И. Жеребцов — зам. завсектора науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и Г.А. Белов от МК ВКП(б). Из профильных специалистов при обсуждении вопросов литературоведения присутствовали: декан филологического факультета МГУ Н.С. Чемоданов, который выступил с неизбежным в таких случаях докладом (доклад не стенографировался, будучи заранее написан и согласован с начальником Главного управления университетов К.Ф. Жигачем); декан филологического факультета ЛГУ Г.П. Бердников (он приехал из Ленинграда специально чтобы поделиться с коллегами опытом разоблачения космополитов в литературоведении); два профессора МГУ, которые одновременно были сотрудниками Агитпропа ЦК — зав. кафедрой советской литературы Е.И. Ковальчик и яркий представитель «нового учения о языке» лингвист-востоковед Г.П. Сердюченко.

То обстоятельство, что разгром евреев был отменен властью, требовало нового формального повода для «критики» филологического факультета — им стала ситуация в области языкознания, уже несколько месяцев горячо обсуждавшаяся на заседаниях и в печати, вполне понятная участникам событий. По этой причине на заседание Коллегии был вызван и формальный виновник — академик В.В. Виноградов, еще в начале учебного года смещенный с поста декана факультета и замененный на этом посту Н.С. Чемодановым. Впрочем, если учитывать пятый пункт, для Виктора Владимировича это заседание не предвещало серьезных последствий, а оправдываться за минувшие месяцы он уже привык.

Итак, предоставим слово документам. Их в данном случае три: 1) фрагмент протокола заседания коллегии МВО от 23 апреля 1949 года; 2) стенограмма обсуждения доклада декана филологического факультета МГУ на коллегии МВО 23 апреля 1949 года; 3) проект решения Коллегии МВО, подготовленный к заседанию накануне (вторая редакция, от 22 апреля). Ошибки в написании имен и фами-

лий, нередко встречающиеся в такого рода документах, были исправлены нами без дополнительных оговорок. В приложении публикуется проект решения Коллегии в первоначальной редакции.

1.

Секретно

Протокол № 7

Заседания Коллегии Министерства высшего образования СССР Москва, 23–24 апреля 1949 г.¹

III. О РАБОТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

(т.т. Чемоданов Н.С.², Жигач К.Ф.³, Сидоров А.Л.⁴, Сердюченко Г.П.⁵, Ковальчик⁶, Бердников⁷, Василенок⁸, Самарин А.М.⁹).

¹ ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 218. Л. 39, 43–49.

² Чемоданов Николай Сергеевич (1903–1986), лингвист, специалист по германским языкам, к.ф.н. (1940), профессор МГУ (1949); с 1943 по 1948 сотрудник ВКВШ при СНК (МВО СССР), декан филологического факультета МГУ в 1948–1950, впоследствии – доктор наук (1971); муж лингвиста Мирры Моисеевны Гухман (1904–1989).

³ Жигач Кузьма Фомич (1906–1964), специалист в области химии нефти, в 1949–1951 начальник Главного управления университетов МВО СССР, член Коллегии МВО, активный участник борьбы с космополитизмом.

⁴ Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966), историк, специалист по истории ВКП(б) и рабочего движения, в 1930-е на партийной работе, доктор исторических наук (1943), проректор МГУ в 1948–1952.

⁵ Сердюченко Георгий Петрович (1904–1965), лингвист, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), в 1948–1950 – профессор и зав. кафедрой кавказских языков МГУ, сторонник и трибун Нового учения о языке академика Н.Я. Марра.

⁶ Ковальчик Евгения Ивановна (1907–1953), литературовед, критик, зав. кафедрой советской литературы филологического факультета МГУ. В 1945–1946 зам. отв. редактора «Литературной газеты», с 1946 – консультант Управления пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б), в 1946–1948 отв. секретарь газеты «Культура и жизнь».

⁷ Бердников Георгий Петрович (1915–1996), к.ф.н., декан филологического факультета ЛГУ в 1948–1950, активный участник кампании по «борьбе с космополитизмом».

⁸ Василенок Сергей Иванович (1902–1982), фольклорист, доцент кафедры фольклора МГУ (1947–1961), специалист по белорусской литературе, автор ряда критических выступлений против «космополитов», в т.ч. соавтор статьи «Против крохоборчества и лжеакадемизма» (Литературная газета. 1949. 26 ноября).

⁹ Самарин Александр Михайлович (1902–1970), ученый-металлург, член-корреспондент АН СССР (1946, академик с 1966), заместитель министра высшего образования СССР в 1946–1951.

Проверкой, проведенной Министерством высшего образования, установлено, что в учебной и научной работе филологического факультета Московского университета имеются крупные недостатки.

В лекциях и на семинарских занятиях по русской и зарубежной литературе не показывается прогрессивное влияние русской классической литературы на развитие культуры зарубежных государств. Творчество выдающихся деятелей отечественной культуры: Пушкина, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева иногда рассматривается как результат влияния западноевропейской культуры.

Некоторые преподаватели проводили антипатриотические, космополитические идеи в своей научной и педагогической работе. Доцент Н.В. Фридман¹ в своих статьях и лекциях о Пушкине принижал его творчество, стремился свести значение великого русского писателя до роли переводчика и ученика третьестепенных зарубежных литераторов. Профессор С.И. Бернштейн² в своих лекциях утверждал, что положения классиков марксизма-ленинизма о языке будто бы исходят из учения немецкого шовиниста и идеалиста Гумбольдта. Профессора и преподаватели: Я.И. Металлов³, А.А. Исбах⁴, Т.Л. Мотылева⁵, А.А. Аникст⁶, М.О. Мендельсон⁷, Е.Л. Гальперина⁸ в своих

¹ Фридман Николай Владимирович (1911–1990), литературовед, доцент МГУ, к.ф.н., впоследствии – доктор наук (1966); специалист по творчеству Батюшкова и Пушкина.

² Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970), лингвист, выпускник Петербургского университета, с 1931 года в Москве; профессор МГУ (1947).

³ Металлов Яков Михайлович (1900–1976), д.ф.н., германист, переводчик, специалист по немецкой литературе XIX в., профессор, до 1947 – зав. кафедрой всеобщей литературы филологического факультета МГУ.

⁴ Исбах Александр (наст. имя Бахрах Исаак Абрамович; 1904–1977), писатель, литературовед, зав. кафедрой всеобщей литературы МГПИ; 1949 году арестован, приговорен к 10 годам лагерей, освобожден в 1954, реабилитирован в 1955.

⁵ Мотылева Тамара Лазаревна (1910–1992), д.ф.н. (1948), сотрудник ИМЛИ с 1940, уволена в 1949.

⁶ Аникст Александр Абрамович (1910–1988), литературовед, историк театра, к.ф.н. (1940), доцент (1946), впоследствии – доктор искусствоведения (1963); начальник кафедры всеобщей литературы Военного института иностранных языков (1944–1949).

⁷ Мендельсон Морис Осипович (1904–1982), филолог-американист, в 1922–1931 жил в САСШ, член американской компартии; к.ф.н.; с 1946 преподавал в МГПИИЯ; впоследствии – доктор наук (1956), сотрудник ИМЛИ.

⁸ Гальперина Евгения Львовна (1905–1982), литературовед, специалист по зарубежной литературе, доцент филологического факультета МГУ, сотрудник ИМЛИ.

лекциях игнорировали наследие русских революционных демократов, принижали значение великой русской литературы. Некоторые преподаватели-литературоведы в своих лекциях и печатных работах допускали формалистические ошибки и буржуазный объективизм; исходили из теории единого потока развития литературы, отрицающей связь литературы с конкретной исторической действительностью и классовой борьбой (Г.Н. Поспелов¹, Н.Л. Бродский², Е.Л. Гальперина, Л.Е. Пинский³ и др.)

Доцент Л.Е. Пинский давал эстетскую оценку произведениям литературы, исходя из теории «искусство для искусства». Доцент Е.Л. Гальперина пыталась дискредитировать содержание советской литературы, утверждая в лекциях, что «советские писатели умнее своего творчества».

В лекционных курсах по зарубежной литературе излагалась исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и замалчивалась богатая литература стран новой демократии. Кафедра советской литературы Московского университета (зав. кафедрой тов. Е.И. Ковальчик) не стала центром перестройки литературоведческих дисциплин на факультете, недостаточно пропагандирует достижения советской литературы и до сих пор не создала курса литературы народов Советского Союза.

Неудовлетворительно работает кафедра фольклора. Заведующий кафедрой фольклора Московского университета проф. П.Г. Богатырев⁴ в своих лекциях протаскивал идеалистические теории современной буржуазной фольклористики.

¹ Поспелов Геннадий Николаевич (1899–1992), литературовед, специалист по русской литературе XIX века, профессор МИФЛИ (1938), д.ф.н. (1945), после возвращения МИФЛИ в состав МГУ – профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ, и.о. декана филологического факультета МГУ (1944–1945).

² Бродский Николай Леонтьевич (1881–1951), литературовед, специалист по русской литературе, д.ф.н. (1939), зав. отделом русской литературы ИМЛИ (1941).

³ Пинский Леонид Ефимович (1906 – 1981), литературовед, специалист по европейской литературе, к.ф.н. (1936), доцент филологического факультета МГУ (1942 – 1951), арестован в 1951, освобожден в 1956.

⁴ Богатырев Петр Григорьевич (1893–1978), славист и фольклорист, профессор МГУ (1940), д.ф.н. (1941), зав. кафедрой фольклора МГУ, уволенный после публикации разгромной статьи С.И. Василенка «Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство» (Литературная газета. 1947. 15 ноября).

Ряд научных работников-языковедов в своих лекциях и печатных работах исходил из положений буржуазного языкознания с его лженаучной расовой теорией развития языков (теория праязыка) и идеалистических взглядов современной буржуазной лингвистики. Марксистское учение о языке, созданное академиком Марром Н.Я.¹, на кафедрах сравнительной грамматики индоевропейских языков (бывший зав. кафедрой проф. М.Н. Петерсон²), русского языка (зав. кафедрой акад. В.В. Виноградов³), романо-германской филологии (зав. кафедрой проф. А.И. Смирницкий⁴) замалчивалось и не получало должного освещения в лекциях и развитии в научных трудах.

В учебном пособии акад. В.В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.» проводятся антипатриотические идеи чужестранной основы русского литературного языка и его европеизации, как основного пути развития. Книга акад. В. В. Виноградова «Русский язык», подвергшаяся резкой критике в печати, неудовлетворительна по своим методологическим установкам.

Перестройка работы кафедр русского языка, русской и зарубежной литературы проходит неудовлетворительно. Кафедры не обсуждают основных вопросов истории и теории русской литературы и не воспитывают студентов и аспирантов в духе марксистского языкознания и марксистского литературоведения и критики. Бывший зав. кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков Московского университета проф. М.Н. Петерсон отрицал советский этап в развитии языкознания и всецело основывал свою работу на отживших идеях русской дореволюционной лингвистики.

Кафедра общего языкознания не является центром методологической перестройки языковедческих дисциплин на факультете и не оказы-

¹ Марр Николай Яковлевич (1865–1934), лингвист, специалист по кавказским языкам, создатель теории глоттогонического процесса – «Нового учения о языке», академик Петербургской Академии наук (1912), АН СССР, вице-президент АН СССР (1930–1934).

² Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962), лингвист, профессор МГУ (1919), д.ф.н. (1940), зав. кафедрой сравнительной исторической грамматики индоевропейских языков (1946–1949).

³ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969), лингвист, д.ф.н. (1940), действительный член АН СССР (1946), профессор (1943) и декан филологического факультета МГУ (1945–1948, 1950), зав. кафедрой русского языка (1947–1969).

⁴ Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) лингвист, профессор МИФЛИ (1940) и затем МГУ, зав. кафедрой английского языка, затем романо-германской филологии (1942–1951).

вает влияния на работу других лингвистических кафедр; недостаточно пропагандирует достижения советского марксистского языкознания.

В курсах по романо-германской и славянской филологии не критически излагаются буржуазные традиционные концепции развития западноевропейских и славянских языков.

Программы основных курсов являются неудовлетворительными. Программа по теории литературы (автор проф. Г.Н. Пospelов) содержит формалистические ошибки, повторяет буржуазные взгляды Веселовского. В программах по истории зарубежной литературы (авторы проф. Я.М. Металлов, доц. В.В. Ивашева¹, доц. Е.Л. Гальперина, доц. Л.Е. Пинский, проф. Б.И. Пуришев²) содержатся крупные ошибки. В разделе литературы рекомендуются работы разоблаченных научной общественностью антипатриотов-космополитов.

В программе по истории русского литературного языка (автор доц. С.И. Ожегов³) не показано развитие литературного языка на народной основе, игнорируется роль великих русских революционных демократов. Программа по современному языку (авторы Е.М. Федорук-Галкина⁴, Н.С. Пospelов⁵ и др.) является формалистической, не учитывает достижений Нового учения о языке Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова⁶ в области грамматики. Программы по исторической грамматике русского языка и старославянскому языку (авторы Р.И. Аванесов⁷ и П.С. Кузнецов⁸) также являются методологически

¹ Ивашева Валентина Васильевна (1908–1991), литературовед, к.ф.н. (1937), доцент кафедры истории зарубежной литературы МГУ (1946), впоследствии – доктор наук и профессор МГУ (1955).

² Пуришев Борис Иванович (1903–1989), литературовед, к.ф.н. (с 1951 – доктор наук), профессор кафедры зарубежной литературы МГУ (1945–1949).

³ Ожегов Сергей Иванович (1900–1964), лексикограф, составитель «Словаря русского языка» (1949), подвергнутого критике в печати; доцент филологического факультета МГУ.

⁴ Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898–1965), лингвист, д.ф.н. (1948), доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ (с 1950 – профессор), жена И.С. Галкина – ректора МГУ в 1943–1947.

⁵ Пospelов Николай Семенович (1890–1984), лингвист, к.ф.н. (1943; с 1953 – доктор наук), профессор кафедры русского языка МГУ (1954–1984).

⁶ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), лингвист, действительный член АН СССР (1932), Герой Социалистического Труда (1945), академик-секретарь ОЛЯ АН.

⁷ Аванесов Рубен Иванович (1902–1982), лингвист, профессор (1935), д.ф.н. (1948), профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1943).

⁸ Кузнецов Петр Саввич (1899–1968), лингвист, д.ф.н. (1947), профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1948).

порочными. Крупные недостатки имеются в программе по введению в языкознание (автор проф. Н.С. Чемоданов). Новое учение о языке Н.Я. Марра не нашло в ней необходимого отражения, программа не проникнута духом большевистской партийности и объективистская по своему содержанию.

Работники филологического факультета Московского университета в течение ряда лет не работали над созданием новых учебников, в результате чего ведущие курсы по русской, советской и зарубежной литературе, а также русскому языку не обеспечены доброкачественными учебниками.

Слабо развернута научно-исследовательская работа кафедр. Мало готовится работ по актуальным проблемам современности. Темы многих научных работ малозначительны. Деканат не осуществляет контроля за выполнением плана и качества научно-исследовательских работ. В печатных трудах и диссертациях некоторых профессоров и преподавателей имеются грубые ошибки (работы В.В. Виноградова, М.Н. Петерсона, О.С. Ахмановой¹, Г.Н. Поспелова, Я.М. Металлова, Т.Л. Мотылевой, А.А. Исбаха, М.О. Мендельсон, Е.Л. Гальпериной); печатавшиеся работы нередко были бессодержательными (проф. П.Я. Черных² — «К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославовны», его же «Заметки о фамилиях» в «Горе от ума», доц. С.И. Ожегова «Слова на —аж»).

Руководители и профессора некоторых кафедр (акад. Н.С. Державин³, проф. А.М. Еголин⁴ и др.) мало связаны с факультетом и не читают общих курсов для студентов, что снижает уровень учебной работы факультета.

Подготовка аспирантов по русскому языку, русской и зарубежной литературе поставлена неудовлетворительно. Много еще

¹ Ахманова Ольга Сергеевна (1908–1991), лингвист, к.ф.н. (1941, с 1954 — доктор наук), и.о. зав. кафедрой английского языка филологического факультета МГУ (1949, зав. кафедрой с 1950).

² Черных Павел Яковлевич (1896–1970), лингвист, к.ф.н. (с 1954 доктор наук), доцент кафедры русского языка (с 1954 профессор), автор «Историко-этимологического словаря русского языка».

³ Державин Николай Севастьянович (1877–1953), славист, действительный член АН СССР (1931), профессор МГУ (1941), зав. кафедрой славянской филологии (1943–1948), зав. кафедрой славянских литератур (1948–1949).

⁴ Еголин Александр Михайлович (1896–1959), литературовед, д.ф.н., член-корреспондент АН СССР (1946), профессор (1941) и зав. кафедрой истории русской литературы МГУ (1941–1951), директор ИМЛИ (1948–1952), сотрудник аппарата ЦК ВКП(б).

выпускается аспирантов без защиты диссертаций. Недостаточно актуальны темы некоторых диссертаций. Ряд тем не имеет ни познавательной, ни научной ценности («Славянизмы в “Езде на остров любви” Тредьяковского», руководитель проф. С.И. Бернштейн; «Инфинитивы у Апулея», руководитель проф. М.Н. Петерсон и т.д.).

В целях устранения отмеченных недостатков и улучшения преподавания русской и советской литературы, русского языка и зарубежной литературы в высших учебных заведениях:

КОЛЛЕГИЯ ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ректора Московского университета акад. Несмеянова А.Н.¹, декана филологического факультета проф. Чемоданова Н.С.:

а) коренным образом перестроить всю работу филологического факультета и кафедр на основе указаний ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам; искоренить имеющиеся факты космополитизма, аполитичности, формализма в педагогической и научной работе профессоров и преподавателей;

б) укрепить кафедры квалифицированными профессорами и преподавателями, способными успешно решать задачи воспитания советских литературоведов и языковедов и развивать советскую филологическую науку в духе постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам;

в) практиковать на заседаниях ученых Советов и кафедр факультетов² широкое обсуждение программ соответствующих курсов, учебников, учебных пособий, стенограмм лекций по узловым вопросам, а также важнейших научно-исследовательских работ;

г) повысить идейный уровень печатных изданий, добиваясь разработки наиболее актуальных проблем социалистического реализма, марксистско-ленинской эстетики и Нового учения о языке, разработанного академиком Н.Я. Марром. Обеспечить подготовку работниками филологических специальностей полноценных, доброкачественных учебников по русскому языку, русской и совет-

¹ Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980), доктор химических наук (1934), профессор (1934) и заведующий кафедрой органической химии (1944–1978), декан химического факультета (1944–1948), ректор МГУ (1947–1951), действительный член (1943) и президент (1951–1961) АН СССР.

² В оригинале ошибочно «ГУУЗов», т.е. Главных управлений учебных заведений.

ской литературе; представить в месячный срок составы авторских коллективов по подготовке учебников по советской литературе, истории русской литературы XIX века, современному русскому языку и зарубежной литературе;

д) закончить к маю 1949 года переработку учебных программ по курсам: «Введение в языкознание», «Современный русский язык», «История русского литературного языка», «Русская литература XVIII века», «Русская литература XIX века», «Русская литература XX века», «Советская литература», «Зарубежная литература», «Русский фольклор», «Введение в славянскую филологию», «Сравнительная грамматика славянских языков», «Введение в германскую филологию». Проекты новых программ представить Министерству на утверждение;

е) включить в курс зарубежной литературы историю литератур стран народной демократии и стран Востока;

ж) включить в учебный план филологических специальностей семинары по Новому учению о языке Н.Я. Марра;

з) уточнить учебные планы филологических специальностей и представить их к 1 мая 1949 года на утверждение в Министерство;

и) в течение мая 1949 года провести аттестацию аспирантов филологических специальностей и результаты аттестации представить на утверждение Министерства к 1. 06. 1949 г.

2. Начальнику Главного управления университетов профессору Жигачу К.Ф. и ректору Московского университета акад. Несмеянову А.Н. организовать летом 1949 года при филологическом факультете Московского университета месячные курсы для преподавателей университетов по общему языкознанию, русскому языку, русской и советской литературе и литературе народов СССР; подробный план организации курсов представить в Министерство на утверждение к 1 мая 1949 г.

3. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Методического управления проф. Бутягину А.С.¹ пересмотреть и утвердить к 1.06.1949 г. учебные планы и программы по специальностям: русский язык и литература, западные языки и литература, славянские языки и литература, родной язык и литература для университетов союзных республик.

¹ Бутягин Алексей Сергеевич (1881–1958), математик, доктор физико-математических наук, директор (с 1939 – ректор) МГУ (1934–1941, 1943); член ВКВШ, Коллегии МВО СССР (1944–1951).

4. Поручить комиссии в составе: тт. Ковальчик Е.И. (председатель), Климович¹, Старикова, Василенок С.И., Зозуля² — в двухмесячный срок разработать проект программы по истории литературы народов СССР и представить на утверждение Министерства.

5. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Отдела учебников тов. Деомидову М.И.:

а) в месячный срок пересмотреть действующие учебники и учебные пособия по филологическим дисциплинам и представить предложения о порядке их использования;

б) в месячный срок представить предложения об авторских колллективах по написанию учебников по основным языковедческим и литературоведческим дисциплинам и мероприятиях по подготовке этих учебников;

6. Главному управлению университетов (проф. Жигачу К.Ф.) и Управлению кадров (тов. Михайлову М.В.) в двухмесячный срок, совместно с ректорами университетов [!] принять меры к укреплению кафедр филологических специальностей квалифицированными профессорами и преподавателями, освободив от работы лиц, которые по своей научной квалификации не соответствуют требованиям высшей школы.

7. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и начальнику Отдела труда и зарплаты тов. Пантелееву И.С. установить на филологическом факультете Московского университета дополнительно должности зам. декана по аспирантуре и зам. декана по отделению русского языка и литературы, логики и психологии.

8. Начальнику Главного управления университетов проф. Жигачу К.Ф. и и.о. Ученого секретаря ВАКа тов. Земсковой Ю.А. в недельный срок представить на утверждение Министру состав экспертной комиссии по романо-германской филологии.

9. Утвердить контингент приема аспирантов на факультет на 1949/50 учебный год, согласно приложению.

¹ Климович Люциан Ипполитович (1907–1989), востоковед, профессор МОПИ (1934–1954), известен своими выступлениями против И.Ю. Крачковского в 1937 и против В.М. Жирмунского в 1949 (статья «Против космополитизма в литературоведении» напечатана 11 января 1949 в «Правде»).

² Зозуля Михаил Никитич (1904–1983), доцент филологического факультета МГУ, заместитель декана по учебной работе (1949–1956, 1958–1977), специалист по украинской литературе.

IV. О СОСТОЯНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗАХ г. МОСКВЫ.

(т.т. Шапкарин А.В.¹, Шимбирев П.Н.², Ухалов³, Плаголев⁴, Орлов⁵, Демешкан⁶, Зотов⁷, Ивашенко⁸, Самарин А.М.)

Поручить комиссии в составе: т.т. Светлова В.И.⁹ (созыв), Жига-ча К.Ф., Шапкарина А.В., Воловика Б.Е.¹⁰, Шимбирева П.Н., Орлова (Министерство просвещения РСФСР) в пятидневный срок переработать проект решения в соответствии с состоявшимся обсуждением и представить на подпись Председателю окончательное решение Коллегии по данному вопросу.

¹ Шапкарин Анатолий Васильевич (1914–1996), кандидат исторических наук (с 1954 – доктор), доцент кафедры научного коммунизма философского факультета МГУ, специалист по истории КПСС, преподаватель марксизма-ленинизма на гуманитарных факультетах, сотрудник Отдела преподавания общественных наук МВО СССР.

² Шимбирев Павел Николаевич (1884–1960), специалист по педагогике и коммунистическому воспитанию, профессор (1935), доктор педагогических наук (1938), начальник отдела педагогических вузов МВО СССР (1946–1949).

³ Ухалов Ефим Степанович (1895–1976), к.ф.н., доцент, парторг филологического факультета МГУ, вскоре – 23 апреля 1949 – назначен заведующим организованной кафедры истории русской журналистики филологического факультета МГУ (1949–1952).

⁴ Плаголев Николай Александрович (1896–1984), литературовед, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ (1942), участник дискуссии об А.Н. Веселовском.

⁵ Орлов Николай Николаевич, начальник главного управления вузов Министерства просвещения РСФСР

⁶ Демешкан Елена Борисовна, доцент кафедры зарубежной литературы МГПИ, была знаменита своим антисемитизмом.

⁷ Зотов И.С., директор МГПИИЯ, уволенный в апреле 1949 как «не сумевший очистить преподавательские кадры от политически неблагонадежных людей».

⁸ Ивашенко Александр Федорович (1908 – 1961) литературовед, к.ф.н. (с 1950 – доктор наук), доцент кафедры всеобщей литературы филологического факультета МГУ, сотрудник ИМЛИ.

⁹ Светлов Василий Иосифович (1899–1955) специалист по истории философии, кандидат философских наук (с 1952 – доктор), директор Института философии АН СССР (1944–1946), заместитель министра высшего образования СССР (1946–1952).

¹⁰ Воловик Борис Ефимович (1902–1952) специалист по металлургии, доктор технических наук, профессор МВТУ им. Баумана, сотрудник МВО СССР.

2.

Стенограмма

заседания Коллегии Министерства высшего образования С.С.С.Р.
Москва, 23 марта 1949 года¹.

III(1) – О РАБОТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ.
(Доклад тов. Чемоданова Н.С. – не стенографируется).

ПАНТЕЛЕЕВ. – Вы назвали ряд фамилий, которые Вас не удовлетворяют и немножко пролили слезу, что комиссия предлагает Вам освободиться от целого ряда лиц. Я не уловил Вашу мысль, как вы будете перестраивать работу? Неужели люди с такими ошибками могут продолжать работать?

ЧЕМОДАНОВ. – Речь идет не о слезе. Мы не отказываемся от критики людей, но нужно различать людей, которых нужно гнать, и тех, у которых есть отдельные ошибки, но которые могут исправить эти ошибки. В проекте предложений указаны лица, от которых нужно освободиться. Я указал на Фридмана, на Богатырева, фактически уволили Мотылеву, Исбаха, Аникста. Если речь идет о профессоре Металлове – у меня нет оснований ставить вопрос о его снятии. Вопрос разрешается на партбюро. Речь идет не о том, чтобы бить с размаху. Критики на факультете достаточно, это может подтвердить секретарь партийного комитета. Я протестую против того, что кафедра огульно обвиняется как скопище вражеских кадров.

ЖИГАЧ. – Товарищи, обсуждение вопроса о работе филологического факультета на сегодняшнем заседании коллегии имеет большое значение для улучшения работы не только филологического факультета Московского университета, но и для улучшения подготовки кадров на всех филологических факультетах всех университетов.

Тов. Чемоданов говорил, что основные научные кадры в области филологии сосредоточены в МГУ, на факультете около 40 профессоров, т.е. более половины профессоров и докторов в области этой дисциплины работают на филологическом факультете МГУ.

Естественно, что улучшение идейного содержания преподавания филологических наук, государственных учебных планов, программ,

¹ ГА РФ. Ф. 9396 (МВО СССР). Оп. 1. Д. 226. Л. 1–42. Машинопись, с обильными подчеркиваниями чернилами, которые по всей вероятности принадлежат С.В. Кафанову.

учебников — должно опираться на работу филологического факультета Московского университета. А в настоящий момент работа этого факультета нас не удовлетворяет, он является плохим помощником в деле перестройки всей работы в деле подготовки специалистов-филологов. Работа факультета не перестроена в соответствии с решением ЦК Партии по идеологическим вопросам.

В работе отдельных кафедр и ученых факультета имеют место факты космополитизма, объективизма, низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой. На факультете до последнего дня подвизались такие лица, как Мотылева, Аникст, Исбах и др., еще ряд не разоблаченных космополитов. Космополитические взгляды протаскивает ряд профессоров, как Металлов, Гальперин[а], крупнейшие ошибки мы видим в работе академика Виноградова, Аванесова, Поспелова и др.

Я бы так сказал, что факультет принимал несомненно ряд хороших решений и на ученых советах и на заседаниях кафедр, но следует признать, что еще враждебные нашей советской идеологии элементы на факультете не исключены, и работа по перестройке только начата, но не завершена.

Мы должны судить не по словам и решениям, а по результатам работы. Если посмотреть и если взять учебную и научную работу, то здесь совершенно не нашли отражения решения нашей партии по идеологическим вопросам. Таким образом можно сказать, что в годы, даже десятилетия написаны учебники по узким практическим вопросам и в них допущены крупные политические ошибки, которые в целом отражаются на работе.

Вопрос о создании учебников. Мы не сможем обеспечить перестройки нашего факультета, пока не будем иметь настоящего учебника о языкознании и по вопросу истории литературы, изложенного с марксистко-ленинских позиций. Такие учебники, которые имеются сейчас в области литературы и языкознания, содержат ряд крупных ошибок. А что сделано факультетом в деле создания учебников?

Прежде не раз поручалось Московскому университету и специальным кафедрам, дважды слушались доклады по идеологическим вопросам и доклад т. Деомидова о создании учебников. Однако, в 1948 г. не издано ни одного нового учебника в области филологических наук, намечено 2 учебника под редакцией проф. Еголина — учебник по истории советской литературы и введение по языкознанию и больше ничего нет. И как можно быстро перестроить наше филологическое образование, если таким черепашьям шагом будут создаваться новые учебники?

Мы должны серьезные требования предъявить Московскому университету, что не только хорошие резолюции писать и готовность перестраиваться, но на деле показать надо, что эта перестройка идет.

Я хочу сказать об искусствоведении, об этом специально т. Чемоданов ничего не сказал и факультет не разбирался поэтому специально; и пошел по линии наименьшего сопротивления передать на исторический факультет, пусть там разбираются. А если взять программу как основу по курсу введения в историю искусств, то только 20% времени отводится на изложение русского искусства. Затем, какая рекомендуется литература? Почему должны обучать нашу молодежь истории западноевропейского искусства по учебнику под редакцией Пунина¹, который разоблачен как безродный космополит и матерый вредитель советского строя. Затем «История стиля изящных искусств»...[отточие в тексте; имеется в виду книга Э. Кон-Винера] и Никольского «История русского искусства» и спрашивается, почему здесь нет ни литературы, ни высказываний классиков марксизма по вопросам искусства?

Если посмотреть программу, то увидите, что изложение истории отдельных произведений искусства, отдельных художников дается вне развития истории общества, вне классовой борьбы, вне развития общества, так что это отделение было на филологическом факультете неправильно, так как мы не готовим историков по искусству вне общей исторической подготовки.

Правильно, что это отделение переводится на исторический факультет, но прежде нужно детально разобраться, кто и с каких позиций готовит специалистов на этом отделении. Несколько слов о других университетах.

Прежде всего о Ленинградском университете. Здесь присутствует декан Ленинградского филологического факультета, ему следовало бы предоставить слово.

Нужно отметить, что, мне кажется, на Ленинградском филологическом факультете еще хуже обстоит дело, чем в Москве: состав ведущих профессоров как Азадовский, Эйхенбаум, Жирмунский, Реизов, Гуковский — теоретики космополитизма, преклонялись перед буржуазной наукой. Когда критиковали Веселовского, они выступали против этой критики.

¹ Пунин Николай Николаевич (1888–1953), историк и теоретик искусства, профессор отделения всеобщей истории искусств Исторического факультета ЛГУ, в 1946 году частично отстранен от преподавания, а в 1949 уволен из ЛГУ «как не обеспечивающий идейно-политического воспитания студенчества», в том же году арестован, осужден на 10 лет ИТЛ, скончался в заключении. Под его редакцией вышла «История западноевропейского искусства (III–XX вв.). Краткий курс» (Л.; М., 1940).

Мы вчера беседовали с деканом факультета, он говорит – мы поработали всех, разложили по полочкам и ждем только команды, когда начинать критиковать, нет указаний обкома партии и Министерства. Надо им послать группу товарищей помочь развернуть критику, которая должна быть. Пора уже вам не ждать команды, а самим приниматься за дело.

В Киевском университете подвизалась большая группа космополитов, как Гозенпуд¹ и др., которые представляли Пушкина, как изящного француза, писали, что Пушкин внедрил французский стиль, привил французскую литературу на русскую почву. Он был выгнан с факультета и устроился в Москве заведующим литературным отделом Малого театра. Гордон², который имел 7 псевдонимов и под различными украинскими фамилиями обстреливал украинское искусство, доказывал, что Шевченко мужицкий поэт, что украинская литература началась тогда, когда соприкоснулась с западной литературой, что Леся Украинка хороша тем, что вводила западную культуру. Но в Киевском университете идет активная работа по перестройке, не в пример Ленинградскому.

В Белорусском университете подвизался космополит Бараг³, который, работая в области белорусского фольклора, ставил задачу

¹ Гозенпуд Абрам Акимович (1908–2004), историк музыки, театра и литературы, кандидат искусствоведения (1946, «Шекспир и музыка»), впоследствии – доктор (1963), профессор кафедры истории музыки Киевской консерватории и совместитель в других вузах Киева; зав. литчастью Малого театра (1948–1949), после 1949 – жил и работал в Ленинграде. (В тексте стенограммы ошибочно «Газенберг».)

² Гордон Яков Ильич (1913–1998), литературовед, критик, специалист по зарубежной литературе XIX века, автор монографии о творчестве Гейне, доцент филологического факультета Киевского университета; в его диссертации, посвященной Лесе Украинке, было сказано о влиянии творчества Гейна на ее поэзию, что стало причиной обвинений в космополитизме. В 1949 уволен из Киевского университета, два года провел в Черновцах, после чего переехал в Душанбе, где работал на кафедре русской и зарубежной литературы Таджикского гос. университета им. Ленина.

³ Бараг Лев Григорьевич (1911–1994), литературовед и фольклорист, выпускник МГУ, доцент и зав. кафедрой русской литературы Минского пединститута, к.ф.н. (1938, творчество Фонвизина); с 1941 – в Уральском университете; специалист по русскому и белорусскому фольклору; вынужден был оставить преподавание в Свердловске, в конце 1940-х годов учился в докторантуре (до защиты диссертации дело не дошло), с 1951 работал в Башкирском гос. университете, с 1966 – зав. кафедрой русской литературы, доктор филологических наук (1968). (В тексте стенограммы ошибочно «Бахрах»).

найти сказку и доказать из какой другой страны эта сказка пришла в Белоруссию. Он в период Великой Отечественной войны собирал частушки, в которых идеализировались немцы, не собирая совершенно фольклора Отечественной войны. Я хотел бы сделать упрек экспертной комиссии ВАК. В этом университете была подготовлена диссертация Гуторова¹, который был политруком партизанской дивизии, его диссертация «Фольклор Отечественной войны» более года маринуется в ВАКе, а космополиту Барагу присуждено звание. Профессор Богатырев дал отрицательный отзыв диссертации Гуторова.

КОЧЕРГИН. – А почему вы не протестовали.

ЖИГАЧ. – Вот я протестую.

Работал у нас в Черновцах Тамарченко², который был разоблачен и перекочевал теперь в Москву и сбежал из Черновиц, когда выяснился ряд неблагоприятных его поступков.

Я считаю, что в этом решении надо добавить важный пункт: «Поручить Главному управлению университетов совместно с Управлением кадров изучить кадры по всех университетах обстоятельно». Опыт у нас уже есть в области биологических наук, и поставить во-

¹ Гуторов Иван Васильевич (1906–1967), фольклорист, сотрудник аппарата ЦК КП(б) Белоруссии, известный своими выступлениями против космополитов в 1949; 18 июня 1948 защитил в Белорусском гос. университете докторскую диссертацию на тему «Партизанская война в народном творчестве», которая была утверждена ВАК 21 мая 1949. (См.: Бюллетень Министерства высшего образования СССР. М., 1949. № 8, август. С. 14.) Значительная часть фольклорного материала была заимствована им из записей аспирантки академика М.Н. Никольского Марии Самуиловны Меерович (1909–ок. 1996), которая в течение ряда лет собирала фольклор времен войны (в т.ч. фольклор гетто и концлагерей); но в 1949 она была исключена из аспирантуры Минского пединститута и арестована (освобождена после личной встречи академика М.Н. Никольского с главой КП(б) БССР П.К. Пономаренко), лишена жилплощади в Минске; после ее поездки в Москву и ходатайства И.Г. Эренбурга перед М.А. Сусловым вернулась в Минск и получила распределение на преподавательское место в Орше, а затем – в Мозыре, где и умерла.

² Тамарченко Григорий Евсеевич (1913–2000), литературовед, к.ф.н. (с 1972 – доктор наук), доцент кафедры русской литературы Черновицкого пединститута; в 1949 переехал с женой-литературоведом в Ленинград, но не получил работы (жена его – Анна Владимировна Тамарченко (1915–2015) была русской, к.ф.н., с 1971 – доктор наук); из Ленинграда они поехали в Свердловск, где оба получили преподавательские места, откуда перебрались в Ленинград, а затем эмигрировали в США.

прос о перераспределении кадров. Недопустимо положение, когда 90% всех профессоров работает в Московском и Ленинградском университетах.

Нужно поставить задачу более решительного выдвижения молодежи на преподавательскую работу.

Я считаю, что в решении Коллегии надо поставить вопрос о создании учебников, о состоянии литературы и языка народов народных республик. Возьмем Белоруссию, нет учебника по истории Белоруссии и белорусского языка, то же самое и по Украине и по другим союзным республикам, и мы по существу в наших университетах не читаем курса истории СССР. Нам нужно сейчас поставить перед собой задачу в течение 1949–50 г.г. создать учебники по истории литературы народов СССР по каждой республике и учебники по языку на этой базе создать, или одновременно создать учебники по истории литературы СССР, которого мы сейчас не имеем.

Я считаю, что нам необходимо летом по типу курсов, которые были по биологии, организовать курсы переподготовки преподавателей по русскому языку и литературе и общему языкознанию. Я бы особенно хотел остановиться на вопросе об учебниках, мы, к сожалению, не могли дать конкретных авторов и сейчас мы должны поставить задачу, что Главное управление университетов должно в месячный срок предоставить авторские коллективы по подготовке новых учебников и пересмотреть авторские коллективы, которые уже имеются в государственном плане, так как целый ряд авторов, которым поручено составление учебников, им доверять нельзя.

СИДОРОВ. — Ректорат Московского университета слушал доклад нового декана филологического факультета и обсуждал основные вопросы, связанные с коренным улучшением работы филологического факультета. Пожелания и решения ректората в тех частях, которые связаны с помощью Министерства в основном, но не полностью, получили отражение в самом проекте решения, который здесь имеется.

Основное заключается в том, что в свете борьбы с космополитизмом мы стояли перед задачей коренной решительной перестройки работы факультета по основному, идеологическому разделу, как в области филологии, так и в области истории литературы и особенно русского языка. Я бы не выдвигал такие вопросы как классическая филология, классические языки, восточные языки; они также важны, но перестройка и дальнейшее развитие филологического факультета обуславливается общей теорией языка и русского языкознания. Истории вопроса литературы русской, в первую очередь, и вопрос изучения

русского языка, вот это те вопросы, на которых надо сосредоточить преимущественное внимание. Хотя по другим кафедрам, как кафедра классической филологии, выступали наши профессора и глядя на их возраст, ставишь вопрос, в какой мере наши профессора могут мыслить по-марксистски и в какой мере это может иметь реальную основу.

Один из «молоденьких» профессоров говорил – мне 72 года, я один из самых молодых профессоров, а все остальные старше.

Надо использовать эти кадры как технических специалистов, которые помогут нам быстрее подготовить определенную смену молодежи, передав им свое знание техники, а мы должны их подготовить с марксистской идеологией.

Я должен сказать, что вопросы общего языкознания не занимают того места, которое должны были бы занимать в стенах Московского университета. И в этом отношении повинен наш декан филологического факультета, который является фактическим руководителем и заведующим кафедрой общего языкознания. Какая это кафедра, которая представлена одним человеком на полставки. Фактически заведующий кафедрой академик Мещанинов находится в Ленинграде и заявил, пусть Н.С. [Чемоданов] руководит кафедрой, я буду принимать участие в работе, буду помогать. Но реальной повседневной деятельности он не имеет ни сил, ни возможности проводить. Такого рода заявление Мещанинова имеется.

Мы должны поставить вопрос о создании кафедры общего языкознания и повышении требований к фактическим работникам и руководителю кафедры. Наш декан в основном занимает правильную научную и методологическую линию в вопросах перестройки, но нужно, чтобы практическая работа не отставала от постановки вопросов, которые мы намечаем. А пока практически повертываемся плохо и очень отстаем от намеченного.

Вопрос общего языкознания связан с теорией Марра, с практической реализацией планов, которые наметили. Может быть, в других университетах лучше обстоит дело с методологическим претворением учения Марра в изучении вопроса о языках, а может быть, и хуже. Во всяком случае, после неоднократных разговоров с профессорами убеждаешься, что мы все согласны перестраивать работу на основании учения Марра, но помогите нам. А для того, чтобы помочь, нужно ряд вопросов, связанных с учением Марра, проработать в более узком коллективе профессоров и дать основные линии для развития этого учения дальше. Мещанинов заявляет: в одной лекции скажу общие сведения о теории Марра. Мы стоим не перед общими популярными сведениями, а перед задачей, как на основе учения Марра

поднять различные области филологической науки. Это общая проблема, которая стоит перед Министерством высшего образования. И неплохо было бы для решения этой задачи сплотить кадры молодежи, сплотить кадры ученых, которые являются действительными сторонниками этого учения и в своих научных исследованиях стараются его развивать. Так мы быстрее сумеем сдвинуть с мертвой точки большой корабль, который застрял по отношению к учению Марра.

Второй вопрос по истории литературы. Огромное значение имеет кафедра нашей советской литературы, к сожалению, она очень слаба. Но в настоящем составе при руководстве проф. Ковальчик оказывает большую помощь остальным кафедрам по истории литературы, но все-таки разработка вопросов критического отношения к истории литературы и вопросов социалистического реализма совершается чрезвычайно медленно. А без разработки этих вопросов и практической реализации вопросов, связанных с написанием учебников, так же не двинемся вперед.

Что касается истории русской литературы, включая и советскую литературу, под углом зрения создания учебников, то надо придать гораздо большее значение.

Ректор обращался в Министерство в прошлом году, после специального совещания с редакторами, которые возглавляют соответствующие коллективы, и они жаловались на большую педагогическую нагрузку, которая не дает возможности выделить необходимое время, чтобы в определенный срок создать учебник. Кроме того они заняты другой работой и в Академии общественных[!] наук, и в научно-исследовательских институтах, и мы просили Министерство выделить несколько штатных единиц, чтобы мы могли некоторых профессоров освободить от другой работы, кроме работы, связанной с написанием учебников, но вопрос не получил определенного разрешения.

(САМАРИН — Чтобы они больше работали в Академии наук).

Давайте вызовем этих профессоров и поговорим, может быть их можно от работы в Академии наук освободить, но, к сожалению, целый ряд инстанций решают вопрос о переводе наших профессоров в другие учреждения, и мы теряем эти кадры, ослабляем свои кафедры, но бесспорно, что при нагрузке в 600–800 часов при огромных требованиях, которые мы предъявляем, мы реально учебников не получим. Между тем, эти учебники должны быть созданы. Целый ряд авторов желают работать над учебниками и на известные материальные затраты нужно пойти, так как эти учебники являются не только учебниками для Московского университета, и не для всех учебных заведений нашей страны.

Точно так же заслуживает чрезвычайно большого внимания предложение нашего декана в отношении стенографирования лекций. Это связано с затратами, но если мы хотим иметь курс, помогающий ученой работе при отсутствии учебников, то эти материалы могут явиться учебным пособием, и мы должны провести это мероприятие, ибо этот курс не только является материалом для критики и контроля, но также и учебным пособием, которое мы могли бы потом издать. Нужны деньги. Я считаю, что у советского государства денег достаточно для того, чтобы провести это мероприятие, а когда практически подходишь, то оказывается, что это не так. Мы просим Коллегию, чтобы этот вопрос получил практическое разрешение. А одно заявление, что денег достаточно, — это вопроса, к сожалению, не решает. Нужно действительно соответствующее мероприятие большого государственного значения, которое стоит в плане научно-исследовательского института, и получило подкрепление. Как у нас достаточно средств, когда вот пример, заместитель декана филологического факультета закончил крупное исследование, и когда попробовали перепечатать за счет университета — отказали в оплате. Стоит обратить внимание на это дело. Из большого количества учебников, которые стояли в плане факультета за прошлый год, к сожалению, половина не выполнена. Из 7 учебников, которые факультет должен был создать в связи с обязательствами, которые авторы взяли в связи со строительством нового здания университета перед товарищем Сталиным, выполнены только лишь 5, которые написаны полностью, но ни один из них еще не отпечатан. Из 15 учебников выполненных, при проверке оказалось, только половина полностью закончена, а другие учебники фигурируют в качестве законченных, когда в действительности написаны у двух 5 глав, а они фигурируют как законченные. И в этом отношении мы должны поднять требовательность по отношению к профессорам и зав. кафедрам нашего факультета. К сожалению, многие профессора и зав. кафедрами занимают позицию выжидания — что скажут, занимают малосамокритичную позицию, мы видим мало самокритики в выступлениях профессоров.

Если декан в своем докладе берет ставку на то, чтобы академика Виноградова оставить в качестве зав. кафедрой русского языка, ничего не сказано о том, как укреплять кафедру. На мой взгляд, академика Виноградова нужно оставить во главе кафедры русского языка. При всех многочисленных ошибках, которые имеются в его работах по истории современного русского языка, нужно отметить эти ошибки, и чтобы сам Виноградов понял и признал их, но практически нельзя же ставить академика Виноградова рядом с Петерсоном, это люди

различного склада, у них ошибки не идентичны, нельзя сваливать всех в одну кучу.

ЧЕМОДАНОВ. – Ошибки Виноградова крупнее, чем у Петерсона.

СИДОРОВ. – Тогда я отказываюсь понимать ваш доклад на ректорате и в процессе работы комиссии: если ошибки Виноградова крупнее, чем Петерсона – этого прожженного гелертера, которого мы терпим потому, что он является единственным знатоком санскрита. Как можно так говорить на Коллегии? А если вы говорите, так нужно делать соответствующие выводы, нужно тогда Виноградова не просить остаться, а выгнать с соответствующей политической и научной проработкой, чтобы все историки русского языка и специалисты русского языка на этом учились. Нельзя так безответственно бросать заявления.

Мы знаем, что у академика Виноградова есть крупные ошибки, критиковали их в университете, он говорил – признаю свои ошибки, на мне еще сказывается влияние моих буржуазных учителей, я готов перестраиваться, буду перестраиваться, помогите мне. Вы же говорите, что кафедра русского языка, во главе которой стоит академик Виноградов, перестроила свою работу, свою программу. Как же это может сочетаться одно с другим? Или программа ничего не стоит, или является результатом серьезной работы научных работников под руководством академика Виноградова и дает доказательство, что люди стали на путь перестройки. Это мне кажется непонятным.

Есть некоторые неувязки в пунктах практических предложений. Не знаю, как туда Эйхенгольц¹ попал, который у нас не работает. В течение полутора лет старается попасть в университет, но мы не пускаем. Он фигурирует, и есть еще несколько имен, которые к нашему факультету касательства не имеют.

Товарищи, перед университетом, несмотря на наличие большого количества профессоров, стоит вопрос о кадрах. Было бы нелепо, если бы мы в министерстве требовали кадры для укрепления Московского университета. Такие требования могут быть в сугубо индивидуальных случаях, об 1–2 лицах. Мы должны давать кадры министерству и должны укреплять кафедры за счет тех кадров, которые мы выращиваем.

¹ Эйхенгольц Марк Давидович (1889–1953), д.ф.н., профессор и зав. кафедрой всеобщей литературы МОПИ им. Н.К. Крупской, специалист по французской литературе XIX века, автор школьных учебников и хрестоматий по зарубежной литературе.

У нас и сейчас почти 100 аспирантов, но, к сожалению, работа с ними страдает крупными пороками в том смысле, что делового повседневного руководства со стороны деканата подготовкой аспирантов нет. Кто ими руководит? — Заместитель декана по научно-исследовательской работе, но у него огромная работа. Помимо этого вся научно-исследовательская работа возложена на одного и того же человека, у которого даже технического секретаря нет. А посмотрите, сколько отчетов требуется из Министерства об этих 100 аспирантах, и строго научно-политической подготовки не дается. Ведь любой институт Академии наук, там имеются отделы по подготовке аспирантов, человек 5 сидят в таком отделе, а у нас во всех без исключения факультетах не имеется ни одного специального работника. По подготовке аспирантов на других факультетах лучше, чем на филологическом факультете. Не лучше ли сэкономить на количестве аспирантов, но выделить 2—3 человека, которые следили бы за политическим воспитанием аспирантов, они научно стали бы расти. Я считаю, что и факультет и Министерство выиграли бы на этом деле.

По обследованию: я просмотрел целый ряд материалов, действительно целый ряд фактов правильно указан о наших недостатках. Действительно, зав. кафедрой романской литературой[!] на него материал послан и сейчас стал вопрос о необходимости уволить целый ряд работников кафедры.

У нас сейчас в Университете работает много комиссий по обследованию работы, параллельно работают комиссия ЦК, Бюро МК, комиссия райкома, причем я со стороны этих учреждений не видел такого отношения, каково было проявлено со стороны Министерства. Является представитель комиссии, например, комиссия проверяла 4 гуманитарные кафедры, и говорит: «Я направлен к вам, чтобы ознакомиться с работой кафедр, сообщите, что вы думаете?» Кончается обследование, весь материал предварительно рассматривается при нашем участии, а из Министерства ни один товарищ не зашел ни в начале, ни в конце, что касается существа вещей, то эта картина не соответствует действительности.

Мне хотелось бы, чтобы наши профессора выступили со своими практическими замечаниями о переустройстве работы факультета, так как мы можем работать и переустраивать работу своего факультета, только опираясь на весь коллектив профессорско-преподавательского состава, который хочет работать в том направлении, которые Партия и Правительство ставят перед нами, а от некоторых мы сами освободимся и очень важно, чтобы эта перестройка была связана с практическими результатами в области научно-исследовательской работы.

Должен заявить, что результат научно-исследовательской работы за истекший год, как у партийных, так и беспартийных профессоров по филологическому факультету недостаточны, и за это надо критиковать наш профессорско-преподавательский состав.

Насчет учебной работы, последнее замечание, к сожалению, учебная работа не нашла полного отражения во всей работе. А между тем в первую очередь во всех учебных заведениях учебная работа упирается на идеологическую основу и это есть крупный недостаток в нашей работе, что этого нет. Мы перестроили учебные планы недостаточно, во-первых, огромная перегруженность студентов. Вот студенты 9 семестра имеют 6 экзаменов, у них остается полгода для подготовки к диплому, причем в конце марта они должны диплом сдать. Очевидно, что студентов 5 курса нужно разгрузить. Затем требования идут по разным направлениям, в частности по линии усиления исторического образования для филологов. К сожалению, история русской литературы и история наших народов изучаются оторвано от общего процесса.

Программы по истории, учебные планы по истории не находятся в соответствии со специальными задачами, которые доставлены в области учебной нашей работы. Лекции часто низкого качества. В частности, филологи выгнали доцента Фридмана, заявили, что не хотят его слушать, потому что он проводит неправильную установку в обеих лекциях. Ряд профессоров и доцентов заражены космополитическими ошибками, вредными взглядами и были осуждены на партийной организации, где прекрасный доклад о борьбе с космополитами сделала проф. Ковальчик. Но до конца этого дела не довела в смысле конкретной идейно-политической борьбы, вытекающей из обсуждения этих вопросов.

КОВАЛЬЧИК. — Может быть, я остановлюсь на мелочи, но у меня возникает такая мысль, почему у нас в университете на экономическом факультете есть порядок, студенты сдают пальто на вешалку, сидят в аудитории раздетые, слушают внимательно. У нас же на факультете бросается в глаза исключительная беспорядочность и неорганизованность. Сама дверь, которая ведет в помещение факультета, странно открывается — одна к вам, а другая в другую сторону и когда встречаетесь в этой узкой щели, не знаете, куда деться. Когда идут лекции, шум рядом такой, что ничего не слышно. Идет ремонт, в верхнем этаже валяются колонны, настилается пол, стук и все прелести ремонта сказываются. Трудно описать, до какой степени все на факультете неорганизовано. Мне кажется, что это непосредственно вина деканата. Нет настоящей требовательности. Нельзя допускать

приход студентов, когда лекция началась. Это вина преподавателей. Я была в контрольном порядке на одной лекции и в продолжении 10 минут тянулась цепочка студентов. Вопросы дисциплины, порядка имеют огромное значение.

На факультете устраивалось обсуждение насущных вопросов, шла критика по докладу о космополитах, шла острая критика веселовщины и ее проявления на литературной кафедре, в связи с работой Поспелова. Но мы не умеем все это организационно закреплять. К чему же мы пришли? Умения вносить положительное, передовое, новое в практику повседневной работы у нас нет, и получается, что масса хороших решений остается только на бумаге. И об этом шла речь, когда деканат отчитывается на партийном комитете. Эта недисциплинированность, неорганизованность очень мешает нашей работе.

Мне хотелось бы сказать на Коллегии министерства о работе на кафедре советской литературы. Организовалась она после исторического решения ЦК Партии по журналам «Звезда» и «Ленинград». Состав кафедры малочисленный и нужно указать, что все члены кафедры совместительствуют. Это накладывает очень тяжелый отпечаток на всю нашу работу в том смысле, что все члены кафедры только на полставки и не могут глубоко заниматься пропагандой советской литературы и невольно соединяют это с другой работой. И надо сказать, что все почти члены кафедры фактически выполняют полную ставку, это, в основном люди, которые любят советскую литературу, занимаются ею много лет и занимаются педагогической деятельностью.

Но надо сказать, что кроме того, что все совместители, нам необходимы работающие кадры и в этом смысле нам нужно сильно помочь. Мне кажется, что кафедра проделала большую, но явно недостаточную работу, заключающуюся в том, что отстояла, а нам пришлось отстаивать преподавание советской литературы с 1 курса до последнего. Почему мы отстаивали? Потому что на 2 и 3 курсах не собирались преподавать советскую литературу и когда мы говорили, что на первом курсе поставлен курс введения в советскую литературу, который должен познакомить учащихся с сильными, новыми образами, то тогда и на следующих курсах нужно проводить преподавание через просеминары и т. Поспелов говорил, что эти просеминары будут отвлекать студентов. Нам удалось провести свой план и сейчас советская литература читается с 1-го курса до последнего года. Но потребности студентов значительно больше, чем мы можем дать. В частности, у нас недостаточно семинаров на спецкурсах, на 3-м не хватает количества людей, занятых этим делом и эти семинары должны быть расширены.

Мне хотелось бы сказать Коллегии, что требуется решительно рассмотреть вопрос о подготовке аспирантов нашей кафедры советской литературы, и это я хотела бы подчеркнуть особенно. У нас аспиранты советской литературы, т. е. будущие деятели советской культуры, готовятся в тех формах академического плана, который установлен по всем отраслям кафедры, т. е. они два года сдают кандидатский минимум, потом пишут или не пишут диссертацию и уходят. Причем на партсобрании по моему отчету один из аспирантов сказал, что она меньше всего занималась советской литературой и дошла до нее, а тема ее диссертации была Подъячев.

Я считаю, что наши аспиранты должны быть связаны и с практическим литературным движением, с литературными организациями. Это значит, что мы должны иметь в виду не только их педагогическую практику на факультете, чтение каких-либо лекций, но должны соединять их с работой литературных учреждений, имея в виду журналы и газеты и практическую работу со стороны советских писателей.

Затем необходимо, чтобы все кандидатские вопросы, которые они выдвигают в качестве индивидуального плана, предусматривали такие вопросы, которые позволили бы аспирантам выступать в печати, вопросы не узкоакадемические, абстрактные, а вопросы нужные, политически важные, влияющие на развитие нашей культуры.

Затем необходимо сломать старые традиции такого порядка, у нас обязательно для аспирантов изучать 2 иностранных языка, причем традиционное представление — французский, немецкий или английский, французский. Для аспирантов нашей кафедры должен быть обязательно второй язык или язык народов СССР или стран новой демократии. Нужно учитывать, что эти люди, которых мы готовим, будут работать в 50–60-х годах нашего столетия. Страны новой демократии продвинули социалистическую перестройку и нам нужно иметь перспективы — кого мы готовим. Нам не нужно готовить сугубо академических узких деятелей, а людей, которые бы разбирались в вопросах шире и могли бы работать на новых фронтах нашей культуры.

Третий вопрос — вопрос преподавания теории литературы. Это курс, который вел Пospelов и, на мой взгляд, он не имеет права быть повторен, пока он не перестроится. Здесь нужна глубокая политическая перестройка. Деканату нужно найти хороших, глубоко подготовленных преподавателей по вопросам теории литературы. Я ставлю этот вопрос очень серьезно потому, что от него зависит подготовка по конкретным курсам. Нельзя строить этот курс отвлеченно, раскрывающая академически отвлеченные эстетические категории, должна быть боевая, партийная направленность, передавая опыт развития совет-

ской литературы, нужно положить в основу теоретическое обобщение. От того, как будет читаться этот курс, будет зависеть направленность воспитательной работы на факультете. Нужно не забывать, что готовя будущих деятелей в этой области, нужно заботиться о их мировоззрении на действительность, нужно, чтобы они получили глубокое изучение курса по литературе.

СЕРДЮЧЕНКО. – Перестройка программы и работы филологического факультета Московского университета является очень серьезным вопросом. На протяжении ряда лет настоящего большевистского отношения к работе, поскольку критика и самокритика не были в фаворе на этом факультете, и говорить о развитии советской филологии не приходится.

Не надо закрывать глаза, что настоящего партийного контроля за работой на этом факультете не было. Я возьму частный вопрос, который, как мне кажется, достаточно будет иллюстрировать сказанное мною. Существует две направляющие кафедры на факультете общего языкознания и русского языкознания.

Посмотрите, что представляет собой кафедра общего языкознания, это же кафедра теории и истории языкознания. Этот заголовок, общее языкознание — говорит о ведущем месте и сущности работы этой кафедры в системе факультета. А на кафедре общего языкознания пол единицы, т.е. эта теоретическая, методологическая кафедра представлена половиной штатной единицы. Нельзя же закрывать глаза на это.

Мы очень высоко ценим И.И. Мещанинова, но нельзя же и Мещанинова ставить в неловкое положение, в какое его фактически поставил университет. И.И. Мещанинов не работает на этой кафедре в течение 2-х лет, он отказывается от этой кафедры, но он числится за этой кафедрой, и за спиной Мещанинова, который числится в университете, прикрывается вся работа важнейшей теоретически-методической кафедры языкознания при том глубоком невнимании к этой кафедре. В университете кафедра русского языка выглядит значительно импозантнее. Наша кафедра представлена на полставки, а кафедра русского языка, во главе которой стоит ак. Виноградов, стоит на явно противоположной позиции, он фактически дает тон и в течение ряда лет определял общее направление жизни факультета, а у него был ученый секретарь Фридман, и мне кажется, что нам не приходится закрывать глаза на то, что представляет собой Виноградов, он представляет колоссальное количество грубых ошибок и самых разнообразных. Достаточно указать в работе Виноградова Пушкин

именуется французом и т.д. Достаточно указать, что благодаря руководству Виноградова на филологическом факультете была в полном пренебрежении разработана о Новом [учении о] языке. Не случайно, конечно, что Мещанинов с самого начала холодно относился к работе, чего нельзя сказать о его работе в Ленинградском университете, где он заведует кафедрой и где он бывает большее время.

Я из этого не склонен делать вывод о том, что нужно академ. Виноградова убрать из университета, это было бы неверно, но нам нужно сказать о том, что нужно специалистам перестроиться на советский лад, и это разрушит безобразную обстановку, которая была создана на филологическом факультете. И кое-кто из истеричных лиц, которые окружают Виноградова, готовы были пренебречь политической основой — это доценты Галкина-Федорук и др., имея партийные билеты, оказывали самое отрицательное влияние на Виноградова. На кафедре русского языка нет той атмосферы, которая бы давила на Виноградова и заставила его перестроиться. Сейчас, когда мы взялись, сплотили усилия Академии наук и партийного состава университета, мы чувствуем, что Виноградов начинает медленно, скрипуче, но все-таки поворачиваться, перестраиваться. Трудно, на слово верить мы привыкли, и верят, и судят [не] по делу, но мне кажется, что если мы усилим твердое партийное мнение, установим твердое партийное мнение, и путь, по которому Виноградов должен пойти, то Виноградов пойдет, а за ним пойдут и другие специалисты, в которых мы нуждаемся. Ибо Виноградов — это стимул для определенной группы русских языковедов. Но если мы Виноградова заставим, и он пойдет, то с помощью Виноградова мы смогли бы перестраивать и периферийные университеты¹.

Может быть, и само Министерство высшего образования допустило грубейшую ошибку, когда в прошлом году, после развернувшейся на страницах советской печати критики Виноградова, фактически реабилитировало его, допустив его к организации всесоюзного совещания преподавателей по русскому языку.

Это был грубый жест, нехороший жест со стороны Министерства высшего образования. Этот жест повел к тому, что на периферии так и поняли, что вся критика, которая была развернута в Ленинграде, в Москве, на страницах печати — ей грош цена. Министерство высшего образования в то же время высоко чтит этого академика Виноградова и рассматривает, как фигуру, определяющую состояние филологической работы в Советском Союзе. На это нельзя не обратить внимания

¹ Весь абзац отчеркнут слева вертикальной чертой.

сейчас, когда говорим вообще о перестройке филологической работы на факультете.

А известно ли Министерству высшего образования, что в Белорусском университете имеется единственный учебник по белорусскому языку, построенный на космополитической основе. Там имеется раздел лексики, где трактуется, что белорусская лексика состоит из элементов древне-греческих, латинских, голландских, польских, шведских, литовских, английских — словом все народы мира влияли, не указано только на определяющее влияние русской культуры в развитии белорусской лексики. Это написано Штерном¹. И совсем не определялся вопрос, в чем же самобытность белорусского языка и лексики. Этот учебник является единственным в БССР.

Я в отчете вынужден был написать, что филологический факультет Белорусского университета и Академия Наук БССР не понимают безобразного положения, в каком должна развиваться белорусская культура, при отсутствии важнейшего пособия для белорусского народа.

Нужно знать, что у нас свила себе гнездо реакционная организация космополитизма в грузинском языке, в Грузинском университете. Из грузинского университета выпускается такой космополитический учебник, как ак. Ч... [отточие в тексте]². Мы неоднократно об-

¹ Ошибка стенографистки; имеется в виду Шкляр Герцель Залманович (1904–1965), лингвист (гебраист, диалектолог), составитель (совместно с С.Л. Рохкинд) «Еврейско-русского словаря» (1940); соавтор учебника современного белорусского языка, подготовленного в 1940 Институтом литературы и языка Белорусской Академии наук (Курс сучаснай беларускай мовы: Фанетыка, марфалогія, лексіка / К.І.Гурскі, Т.П.Ломцеў, Г.З.Шкляр, С.Л.Рохкінд. Минск, 1940); эвакуировавшись в 1941 в Кострому, остался там и после окончания войны и долгие годы преподавал в местном пединституте, занимался диалектологией края. Благодарим С.Н. Запрудского (Минск, БГУ), который помог разрешить казус «Штерн / Шкляр». Нужно отметить, что в данном случае мы видим сознательное переключивание «вины» за этот учебник на Г.З. Шкляра с целью обелить другого лингвиста — Т.П. Ломтева (1906–1972), одного из соавторов учебника, с 1939 декана филологического факультета Белорусского гос. университета; в 1949 Ломтев уже был членом ВКП(б) и профессором кафедры русского языка филологического факультета МГУ (в 1951 в издательстве МГУ выйдет его учебник для вузов «Белорусский язык», написанный на фундаменте «марксистского языкознания в свете трудов товарища Сталина»).

² Имеется в виду Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985), лингвист, доктор наук (1929), профессор Тбилисского гос. университета (1933), действительный член АН Грузинской ССР (1941), знаменитый оппонент «Нового

ращали внимание Министерства высшего образования и в печати, и в разнообразных докладах. Но никаких решительных шагов для того, чтобы изменить это положение, не сделано. И на это нужно сейчас обратить внимание.

Надо прямо сказать, что тот пример, который тов. Жигач привел с диссертацией Гуторова, не совсем удачный. Мне пришлось столкнуться с этим вопросом, в связи с проверкой работы Белорусской академии наук. Гуторов авторитетный белорусский работник, но дает неавторитетную работу по фольклору. Тезисы, на которых значится имя Гуторова, построены безобразным порядком, и те ошибки, которые нашли себе место в этих тезисах, нашли себе место и в диссертации Гуторова.

(С МЕСТА. — Какие ошибки?)

Он говорит — вся самобытность белорусского народа, его идеи, патриотизм, заставляют его думать о старине, в старине он находит... (*читает*)... о его привязанности к отечеству и т. д. Это нацдемовские старые тезисы.

А если взять его теорию развития революционно-демократического движения в литературе, там жуть сплошная!

Я считаю, что если проанализировать эти проблемы по материалу, имеющемуся в секторе науки ЦК ВКП(б), то степени научные там даются очень легко, во всяком случае по диссертации, посвященной белорусского космополита ... [отточие в тексте] и по диссертации о Франциске Богушевиче¹ они при отрицательных рецензиях все же были признаны достойными степени и люди, получая эти степени, чувствуют себя спокойно. Я считаю, что на эту сторону работы Белорусского университета и Белорусской академии наук нужно обратить внимание.

Последнее, о чем я хотел сказать, что я считаю, что т. Сидоров совершенно правильно указал, что работы проф. Петерсона заслуживают уже определенной оценки. Нельзя так дальше. Я считаю, что правильно говорили в газете «Московский университет», когда его

учения о языке» Н.Я. Марра. Речь, вероятно, о курсе «Общее языкознание. Часть II: Основные проблемы» (Тбилиси, 1945), который был издан университетом на грузинском языке (ч. I, «Проблемы пропедевтики», вышедшая 3-м изданием в 1946, формально не была продукцией университета — она издана под грифом АН Грузинской ССР).

¹ В оригинале стенограммы указан как «Фредерикс Бабушевич»; возможно, речь про обсуждение докторской диссертации В.В. Борисенко «Франциск Богушевич и проблема реализма в белорусской литературе XIX в.», которая им была защищена только в 1956.

обвиняли в буржуазном объективизме и социологизме, и формализме, и если посмотреть его курс сравнительной грамматики, то она и все другие работы построены на космополитической основе. Это не в пример Виноградову, он как-то поворачивается, в последнем своем выступлении, когда мы разбирали, он как-то пересмотрел свои позиции и переменил настроение, чего нет у Петерсона. И до каких пор мы будем слушать, что он из себя представляет и терпеть.

Мы должны сделать выводы и эти выводы должны иметь воспитательное значение.

Еще одно замечание. Если уже стоит вопрос о переиздании некоторых учебников, то надо сказать, что учебник проф. Чемоданова переиздавать нельзя, он построен на основах профессора Шор¹. Учебник имеет принципиальные ошибки, его надо перестроить заново, если он пишется заново, это хорошо, но так, как он есть, его переиздавать не годится, и мне думается, что Министерство высшего образования должно принять какое-то решение о создании коллектива авторов и объявлении конкурса на составление учебника по филологии.

БЕРДНИКОВ. — Я должен сказать, что положение на филологическом факультете Ленинградского университета еще более трудное, чем в Московском университете. И это определяется, прежде всего, тем, что в Ленинградском университете особенно были сильны традиции, появившиеся с дореволюционными традициями декадана, то, что расценивалось в начале XX века, который был в Ленинграде и имел свои толки. На сегодняшний день один из этих толков — это группа — которые были соратниками Эйхенбаума², один из толков Жирмун[ский], ибо эти профессора активно действуют и имеют своих учеников, которые занимают руководящее положение в филологии, это проф. Гукровский³, Бялый, Тронский и ряд других, которые являются непосредственными участниками этих бывших толков формализма.

Что из себя представляют некоторые из них? Эйхенбаум в 1919 году предлагал отсидеться от чумы большевизма. В 1922 году писал — жизнь, слава богу, пошла не по Марксу, тем лучше. Он был вождем, теоретиком группы, которая пыталась установить Гамбургский счет.

¹ Шор Розалия Осиповна (1894—1939), лингвист, доктор наук (1936), литературовед и переводчик, профессор МИФЛИ, первая жена Н.С. Чемоданова.

² Везде в тексте стенограммы ошибочно называется «Ихенбаумом» или «Эйхенвальдом».

³ Везде в тексте стенограммы ошибочно называется «Буковским».

По теории Эйхенбаума Толстой превращался в двурушника, ... [отточие в тексте] умел бороться с современностью, как искусный стратег, знающий важность отступления, а не только натиска. Толстой по теории Эйхенбаума теряет национальность, он заявил, что Толстой является наименее национальным из русских писателей. Такие же вещи, примерно, Эйхенбаум продельывает с Лермонтовым, который под его пером являлся результатом самых различных западноевропейских влияний.

Во время дискуссии о Веселовском Эйхенбаум заявил, что критика и самокритика мешает творческому вдохновению. Будучи апологетом Веселовского, заявил на дискуссии о Веселовском, что Фадеев допустил громадную политическую ошибку, что выступил против Веселовского. Это ниспровержение гордости нашей науки и культуры. Отсюда можно сделать соответствующий вывод.

Жирмунский является зав. кафедрой западноевропейской литературы. Рядом работает Реизов. Для характеристики Реизова достаточно сказать, что недавно выпустил диссертацию Таманцева¹ о ... [Бодлере].

Было ему указано, что работа идет по порочному пути, но он сказал, что в диссертации все учтено. На деле же это оказалось порочной, недопустимой работой.

Рядом работает Алексеев², его космополитические ошибки известны, это апологет Веселовского. Рядом работает Г...[отточие в тексте]³, которая не имеет своего лица, а дышит и живет Жирмунским. И начинается дальше молодежь – Дьяконова⁴, Хатисова⁵, жена Жирмунского Сигал⁶, они не имеют научного лица.

¹ Таманцев Николай Александрович (1918–1960), аспирант филологического факультета ЛГУ, его диссертация о Бодлере не была допущена к защите, впоследствии к.ф.н. (1953).

² Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед, д.ф.н. (1937), профессор кафедры зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР (1946, с 1953 – действительный член), прежний декан факультета. (В стенограмме везде ошибочно «Аникст».)

³ Возможно, имеется в виду Ирина (Изабелла) Романовна Гербач (1894–1954), к.ф.н., доцент кафедры романо-германской филологии; впоследствии – на кафедре английского языка.

⁴ Дьяконова Нина Яковлевна (1915–2013), к.ф.н. (1943, с 1966 – доктор наук), доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ (1944) (в стенограмме ошибочно «Яковлева»).

⁵ Хатисова Татьяна Георгиевна (1906–1979), к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ.

⁶ Сигал Нина Александровна (1919–1991), к.ф.н., доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ЛГУ.

Мы столкнулись с системой вредительской подготовки кадров, когда все делалось, чтобы Жирмунский оказался незаменимым.

Какие мероприятия проводятся на факультете? Мы находимся сейчас перед третьим туром очень серьезной борьбы против пережитков тех или иных определенно враждебных направлений в нашей филологической науке.

Весной прошлого года впервые за много лет их деятельности в советской литературе добились безоговорочной капитуляции Жирмунского, Алексева¹, Проппа, Эйхенбаума, Азадовского и многих ученых, которые подвергались критике, но не выступали с признанием ошибок.

Во время сессии ВАСХНИЛ подверглись сугубой критике наши лингвистические кадры кафедр литературы. Тогда проводили критику под флагом требований реальной перестройки содержания читаемого курса, поставили перед кафедрами ряд практических задач, которые должая были на деле продемонстрировать, как люди перестроились, в процессе работы наблюдали перестройку.

Последние события разоблачения космополитов представляют все эти вопросы. И для нас ясно стало, что в ряде случаев имеем дело не с отдельными ошибками, а с целой системой ошибочных, сознательно неверных взглядов со стороны ведущих теоретиков литературы, ведающих подготовкой кадров на филологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Во-вторых, мы чувствуем, что в некоторых местах не добрались до сути при критике, которой подвергались отдельные ошибочные положения в работе Гуковского. Между тем совершенно ясно, что в работах Гуковского имеется в основе своей порочная гегелианская система. Достаточно указать о том, что этот Гуковский так пишет: «Реализм в литературе пришел на смену романтизму и возник на основе противоречий самого романтизма, зарождался в нем».

Интересна эта система идеалистического представления, что развитие литературы при самом развитии художественного познания мира придет, что в работах Гуковского и Пушкин и Гоголь страдали объективизмом. Тут речь идет о широком потоке европейского масштаба, где на одну доску ставятся не только Пушкин и Радищев, но и Руссо.

Я могу сказать, что последние месяцы проделана на филологическом факультете большая работа, мы заново пересмотрели продукцию крупнейших русских ученых, пересмотрели работы основной

¹ В документе ошибочно «Аникст».

кафедры, провели обследование работы и Института русской литературы. Это важно, так как там работали наши же работники, большинство совместителей. Во вторник появилась в Ленинградской правде статья, посвященная этому вопросу, и мы готовились, чтобы провести партсобрание и ученый совет, но партсобрание задерживается, так как должен был приехать Головенченко¹ и провести собрание и сделать доклад, но он не едет, а горком партии говорит ждать его.

ВАСИЛЕНКО². – Внимание к филологическому факультету привлекается не только потому, что там работает 40% профессоров, но что роль литературы в нашем обществе резко повысилась. Вы помните высказывание товарища Жданова, что каждое удачное произведение партия сравнивает с выигранным сражением. Такую роль литература никогда не играла. И решения партии о литературе, театре, критике требует соответствующим образом усилить наше литературоведение.

Я хочу остановиться на двух вопросах, на одном из очень запущенных участков преподавания в вузе – на фольклоре. Преподавание русского фольклора имеет принципиальные недостатки на нашем филологическом факультете. Я хочу ответить тов. Ковальчик, она сказала, что шумно в коридорах, мешают заниматься. Но мы имеем 1,5 тыс. студентов, 16 аудиторий и коридор в 2 метра шириной, работаем в две смены. В 3 часа вы не только не услышите лекции в своей аудитории, а трудно расслышать рядом стоящего человека. Конечно, большие трудности возникают из-за того, что мы не имеем своей жилплощади.

Я хочу не согласиться с проф. Сердюченко. Я согласен в той части, в которой он критикует Виноградова, в его разделе европеизации русского языка есть крупнейшие методологического и политического характера ошибки. Умалить ошибок проф. Виноградова нет надобности.

Другое дело, что критиковать человека, это не значит ставить вопрос о запрещении ему работать. Мы растим и будем растить не только новые, но и старые кадры, помогаем им перестраиваться, перевоспитываться.

Я не согласен с проф. Сердюченко в отношении Гуторова. Гуторов воспитанник детдома, комиссар партизанской дивизии, легендарная

¹ Головенченко Федор Михайлович (1899–1963), литературовед, профессор МГПИ, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) (в тексте стенограммы ошибочно «Головин»).

² В тексте стенограммы везде ошибочно «Василук».

личность в условиях Белоруссии, один из лучших теоретических работников в белорусской литературе. В отношении тезисов я не согласен. Я преподаю белорусскую литературу 25 лет, но хочу сказать, что в этих тезисах есть недостатки, сама идея появления тезисов — протокольным путем создать науку — порочна, в тезисах нельзя развернуть соответствующих концепций, допускается много неправильных трактовок в литературе 20 века. Но причем тут Гуторов. Это работа института литературы и языка Белорусской Академии Наук, большой коллектив, подписывает Борисенко¹, Гуторов. Я утверждаю, что эти тезисы — лучшие тезисы, с которыми я знаком по истории Белоруссии. Их нужно критиковать, но в известном направлении.

Разрешите вкратце остановиться на преподавании фольклора в нашем вузе и затем сказать, поскольку присутствуют товарищи из других вузов, о состоянии этой дисциплины вообще.

Я хочу сказать, что по количеству и качеству опубликованных текстов народной поэзии, по теоретической разработке нерусского народного творчества и науки нами занималось передовое место. В области исследования народной поэзии много сделали русские революционеры-демократы. У А.М. Горького имеется десяток специальных работ по фольклору. А различные библиографические работы Ленина и Сталина о народном творчестве, у них имеются прямые высказывания о народном творчестве, о высокой оценке этого творчества, как одного из первейших не только нашей литературы, но и других видов культуры.

Именно фольклор мы должны рассматривать, как свой национальный источник развития русской литературы, что наша русская культура выростала не из английской или немецкой, а из других корней, из своей национальной почвы. Эту сторону недооценивают. Не только к фольклору, но и предъявить серьезные претензии к литературоведению. До сих пор мы пользуемся старой схемой западноевропейского литературоведения, мы снижаем роль нашей литературы. В частности я хочу обратить внимание вот на какой факт. Чем объяснить, что история русской литературы начинается с XIX века, что история русского театра начинается с XVIII века, причем с классицизма, заимствованного из Франции. Если оторвать литературу от фольклора, то нужно поверить, что история русской

¹ Борисенко Василий Васильевич (1904–1984), литературовед, к.ф.н. (с 1956 — доктор наук); профессор Минского пединститута им. Горького, директор Института литературы и языка АН БССР (1946–1973), действительный член АН БССР (1969).

литературы начинается с XIX века. Разве это не есть космополитизм отрицать самобытность характера русской литературы? Чем объяснить, что в курсе древней литературы фигурирует XVII век, это противоречит нашим концепциям историческим и снижает роль русской литературы. Этот век нужно выделить в особый курс и создать особый учебник.

Что касается фольклора — то эта область самая засоренная, и здесь исключительно большой вред принес проф. Богатырев, о котором говорили. Такие профессора, как Азадовский, Чичеров¹, Гофман², Минц³ — они засорили буквально этот участок работы. За 10 лет Богатырев не написал ни одной работы, он составил десяток программ, которые изымались Министерством. Этот человек жил 20 лет за границей, который написал антисоветскую книгу, издал ее, сделался профессором и руководит секцией Академии наук, Институтом и является референтом ВАК и решает судьбы науки в этой области и продвигает свои кадры. Вот работа докторская Кравцова⁴, работника из Тамбова, который был выслан за политические грехи на 10 лет и работа его крайне примитивна, он добился, чтобы работа была продвинута и защищена.

Возьмите другие работы. Я прочту вам перечень работ, над которыми работают фольклористы. Все работы архаичны, не отражают современности. Возьмите темы: Гриньковская — обряд вождения русалок в селе...⁵ (зачитывает перечень тем).

¹ Чичеров Владимир Иванович (1907–1957), фольклорист, д.ф.н. (1948), профессор филологического факультета МГУ (в оригинале стенограммы «Чеч...»).

² Эрнэ Васильевна Померанцева (урожд. Гофман; 1899–1980), фольклорист, доцент кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ (1938–1958), к.ф.н. (доктор исторических наук, 1964).

³ Минц Софья Исааковна (1899–1964), фольклорист, соавтор Э.В. Померанцевой по ряду работ, с 1944 зав. фольклорным отделом Государственного Литературного музея.

⁴ Кравцов Николай Иванович (1906–1980), фольклорист, славист, в 1934 году был осужден на 5 лет по «делу славистов», с 1939 — преподаватель, зав. кафедрой русского языка и литературы Тамбовского пединститута (1939–1960), к.ф.н. (1944), в том же году по рекомендации П.Г. Богатырева принят в докторантуру ИМЛИ, д.ф.н. (1947), профессор (1948), впоследствии зав. кафедрой устного народного творчества филологического факультета МГУ (1962–1980).

⁵ Речь о статье: *Гринкова Н.П.* Обряд «вождения русалки» в с. Верейка Воронежской области // Советская этнография. 1947. № 1. С. 178–184.

Совершенно не разрабатываются классики русской демократии, отказались от изучения классиков марксизма. Они засорили эту тематику. Работу эту проводят в Ленинграде проф. Пропп, Азадовский. На каком же уровне находится наука в Ленинграде, когда Ленинградский университет выпускает книгу, где Азадовский пытался доказать, что не немцы, а англичане создали русскую науку о филологии.

Я считаю, что этот участок крайне засорен и нуждается в немедленном вмешательстве Министерства высшего образования.

Я обращаю внимание членов Коллегии на состояния факультета. У нас 9 отделений. Очень сложно работать. Нужно обязательно выделить специальных зав. отделениями.

Второй вопрос – здесь говорили о литературе народов СССР. Мы сделали большое упущение – имелась кафедра, ее закрыли. На факультете преподаются украинский, белорусский и т. д. языки, а кафедры народов СССР нет.

САМАРИН¹ (МГУ). – В своем докладе проф. Чемоданов говорил о кафедре [всеобщей] литературы МГУ, заведующим которой являюсь я. Он упомянул об обследовании, которое было проведено комиссией министерства, и обвинил меня, что я после обследования повел курс на разгон кафедры и представил материал об освобождении 80% кафедры. С этим я согласиться не могу. Я настаивал на отчислении трех штатных работников кафедры из состава 10. Мне представляется, что это совершенно необходимый акт и отнюдь не может повести к разгону кафедры, а освободит места, которые будут заняты настоящей советскими работниками, способными помочь кафедре в разрешении всех поставленные ею вопросов. Речь шла о профессоре Металлове, доценте Гальпериной и ... [отточие в тексте], в работах которых систематически повторяются ошибки космополитического характера. Они широко пропагандировали Фейхтвангера, в докторской диссертации проф. Мотылева указывает на Фейхтвангера, как на образец либеральной буржуазной школы, который является на самом деле космополитом, смыкающимся с Нусиновщиной², Моты-

¹ Самарин Роман Михайлович (1911–1974) литературовед, кандидат (1938), доктор филологических наук (1948), с 1944 старший преподаватель, с 1947 – зав. кафедрой всеобщей литературы филологического факультета МГУ, впоследствии декан факультета (1956–1961), один из наиболее деятельных участников борьбы с космополитизмом в МГУ и ИМЛИ.

² Имеется в виду Нусинов Исаак Маркович (1889–1950), литературовед, критик, д.ф.н., профессор кафедры всеобщей литературы МГПИ (до 1945 –

левщиной. Я считаю, что должен был так остро поставить вопрос после опубликования документа о борьбе с космополитизмом в газете «Правда» и «Культура и жизнь».

Таким образом я подтверждаю свою позицию, которую я занимал на заседании кафедры 7 марта 1949 г., когда комиссия еще не закончила свою работу на кафедре и в то время, когда я с документами комиссии не был знаком.

Я хочу поставить другой вопрос, каковой без вмешательства коллегии разрешить невозможно. Для обеспечения состава преподавателей западного отделения, который отвечал бы государственным нуждам страны необходимо организовать при западном отделении филологического факультета небольшие подготовительные курсы человек на 15–20, вполне достойных товарищей, чтобы их могло было сделать подлинно советскими специалистами по западной литературе. Я несколько раз обращался в соответствующие организации, министерства, но не нашел прямой поддержки за исключением со стороны т. Сидорова.

Я просил бы, чтобы это мероприятие было разрешено. Если такие курсы имеются при институте иностранных языков, для которого мы подготовляем кадры, то тем более необходимо такой подход к кадрам западного отделения филологического факультета.

УХАЛОВ. — Когда здесь говорили, что 40 профессоров пишут учебники, то возник вопрос, как же 40 профессоров не могут создать учебник, если кафедра будет участвовать. Институт мировой литературы назывался, и там эти же профессора, и другие институты, как педагогический институт и др. Прежде всего, как избавиться от этого совместительства? Я считаю, что это чрезвычайно трудно.

САМАРИН. — Что трудно? Сидит человек в Институте мировой литературы и пишет монографию вместо того, чтобы писать коллективный учебник.

УХАЛОВ. — Хорошо. Давайте назовем эти фамилии. Профессор Еголин — завед. кафедрой и ЦК ВКП(б) утвержден директором института, его же нельзя освободить. Проф. Бло...[отточие в тексте]¹,

зав. кафедрой), профессор МГПИИЯ, арестован 12 января 1949 по делу Еврейского антифашистского комитета, скончался во время следствия.

¹ Имеется в виду: Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), литературовед, д.ф.н. (1938), профессор МГУ (1943), зав. сектором ИМЛИ (с 1947), впоследствии декан филологического факультета МГУ (1950–1952). Автор учебника «История русской литературы XVIII века» (1945, 2-е изд. 1951).

завед. отделением в Институте мировой литературы, его нам не освободят. Профессор Бродский заведует отделением... и т.д. Это люди, которые могли бы работать над учебниками, но они заняты в нескольких местах.

Давайте решим вопрос, если мы сможем их освободить от другой работы, кроме писания учебников, то это будет хорошо, но если не освободят, то мы сами эту проблему разрешить не сможем. Мы говорим, что проф. Сердюченко, выступая, говорил, что на факультете критики не было, а между тем на ученом совете уже обсуждали некоторых специалистов и уже заставили многих работников признать свои ошибки и нужно посмотреть, как реализуются эти декларативные признания и мы сейчас выявили, что проф. Петерсон не способен перестроиться, мы поставили вопрос перед Министерством закрыть кафедру и самого Петерсона уволили, но фактически он ведет только санскрит. Это последняя искра, которая у него теплится и его обвинять не стоит. 1–2 человека, которых он подготавливает, мне кажется, что люди изолированы и достаточно раскритикованы и они не принесут много вреда. Общих широких курсов он не читает. Если вопрос стоит о снятии, я не сторонник, чтобы его снимать.

Вот проф. Богатырева мы критикуем, но у нас ни одного доктора по фольклору нет в Москве, а здесь нужно руководство аспирантурой, некоторые доценты, так как надо выращивать новые кадры, ждать, пока они вырастут, тогда ставить вопрос — выращивать кто будет. Богатырев не способен дать марксистское образование. И здесь необходимо, чтобы разорвать этот круг, идти на смелые решения.

САМАРИН. — В чем смелость? Устранить негодных руководителей?

УХАЛОВ. — Нужно поставить доцента, а вы не разрешите. И получается так: Петерсон член экспертной комиссии, Виноградов — член ВАК, Богатырев — председатель экспертной комиссии. Вот вам маленький перечень. А какова же здесь позиция Министерства? Все эти лица занимают не только у нас руководящие посты на факультете. Нужно решать этот вопрос не только в университете, но и в Министерстве.

Здесь говорили о том, что нужно выдвигать новые кадры. Это совершенно правильно. В этом году сделали значительный шаг, выдвинули целый ряд товарищей. Причем, товарищ Самарин, нужно иметь в виду, что некоторые специальности появились в течение последних лет. Не было литературы славянской, ни одного доктора нет по славянской литературе, и аспирантов не подготовили. Таким об-

разом, по ряду кафедр мы имеем большие затруднения. И здесь для того, чтобы иметь эти кадры в будущем, нужно вложить некоторый капитал. Помогите нам сейчас, а через несколько лет мы вам вернем с процентами. Сейчас мы набираем в аспирантуру из студентов по этой специальности и в ближайшее время будем давать продукцию, но в этот период необходимо помочь по ряду кафедр.

По фольклору ставили вопрос перед ЦК, чтобы разрешили, откомандировали к нам окончившего академию общественных наук тов. Богомолова¹. ЦК берет его в свой аппарат, и мы не знаем, согласиться ли на его откомандирование в Московский Университет. Если бы нас поддержало Министерство высшего образования, может быть ЦК удовлетворило бы эту просьбу. Есть ряд трудностей на факультете, для изжития которых нужна ваша помощь.

Вопрос с учебниками — дело большой и государственной важности. Для этой работы необходимы не только кадры, но и условия. Ни университет, ни Министерство ничего не делают до сих пор в этом отношении. Даже до того, что напишут главу учебника, нужно обсудить, исправить, 3–4 раза перепечатать, и ни одной копейки не отпускается на эту работу, должны печатать за свой счет. Когда был Виноградов, печатал за свой счет. Разве так делают большое государственное дело? Это крохоборчество, это нищенство, мы за 30 лет не можем создать учебника.

САМАРИН. — Я считаю, что профессор, получая оклад 6000 рублей, может оплатить за перепечатку, тем более, что он имеет еще и гонорар за эту книгу.

УХАЛОВ. — Он не обязан. Он может перепечатать эту работу, но принципиально это неправильно.

САМАРИН. — Я не против того, чтобы университет платил, но я думаю, что не это является препятствием.

УХАЛОВ. — Я считаю, что условия должны быть созданы для работы над учебником. Это, в принципе, неправильно. Надо создавать такие

¹ Богомолов Борис Иванович (1917–1998), выпускник АОН при ЦК ВКП(б), занимался фольклором, защитил диссертацию на тему «В.Г. Белинский и вопросы народного творчества» (1949), в 1950 в Малой серии «Библиотеки поэта» был издан подготовленный им сборник «Былины» (переиздан в 1954); вскоре поступил в распоряжение МГБ СССР, впоследствии руководитель Управления КГБ СССР по Воронежской области (1956–1962), генерал-майор госбезопасности (1957).

условия, чтобы люди чувствовали, что это государственное дело, и создать соответствующую атмосферу.

Последний вопрос о распределении, мы готовим целый ряд кадров и каждый раз мы становимся перед вопросом, для чего они готовятся. Многих искусствоведов приходится распределять Комитету по делам искусств, — он говорит, нам эти кадры не нужны, у нас своя система институтов, мы готовим для себя кадры, нам они не нужны, однако из года в год нам дают задание по набору в эти отделения, по классической филологии. Мы готовим людей и не даем им назначения, они должны искать сами. Зачем мы их готовим? Нужно уточнить, каких специалистов нужно готовить государству, и чтобы наши планы были приспособлены к тем заданиям, которые стоят перед страной, а мы не знаем, кого готовим, в частности по классической филологии.

САМАРИН. — (См. материал для протокола).

4. (2) - О БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ПРЕПОДАВАНИИ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗАХ Г. МОСКВЫ.

(Доклад т. Шапкарина — не стенографируется).

ШИМБИРЕВ. — По приказу Министра высшего образования обследование преподавания западной литературы было поручено Отделу общественных наук, Главному управлению университетов, Управлению кадров и Отделу педагогических вузов. Я полагал, что результаты этого обследования, как я говорил с т. Шапкириным, будут согласованы, прежде чем будут представлены на Коллегии. Это важно потому, что те разногласия, которые не существенны, которые можно было бы выяснить путем совместного обсуждения с тем, чтобы их на Коллегии не выносить и не являлись бы документом, в известной степени не отвечающим положению, какой этот документ должен занять. Мы видели представителей комиссий, в частности, были организованы две комиссии, была организована комиссия по обследованию преподавания русского языка и тут с т. Шульгиным идет дело правильно. Мы заслушали доклад бригады, вместе обсудили выводы, а здесь тот документ, который, представлен на Коллегию, не был согласован с т. Шапкириным. Я обращался к т. Шапкарину, неоднократно писал о согласовании и желании обсудить, но т. Шапкарин не сделал.

Я считаю, что такое положение неправильно. Мы обследуем совместно и то, что делаем совместно, должно совместно представлять-

ся. Тот проект решений, который представлен, чрезвычайно небрежно составлен, тут в конце концов не разберешь. Меня интересует, как дело поставлено в педагогических вузах, степень ответственности каждого педагогического вуза и моя, как начальника этого отдела. Если сведения, как обстоит дело, прямо по энциклопедии. Нас интересует постановка дела преподавания западной литературы за последние годы. Почему Институт им. Ленина называется первым центром космополитизма, когда больше 2-х лет тому назад Нусинов от туда удален, была проведена большая работа в институте им. Ленина, двухдневное заседание...

САМАРИН. — Почему институт не хотел взять на работу Демешкан?

ШИМБИРЕВ. — Я возражаю, что институт им. Ленина является первым центром космополитизма. Та самокритичная работа, которая была проведена, не обнаружила космополитизма на кафедре западной литературы, а как раз на кафедре русской литературы.

Относительно Демешкан — институт на протяжении длительного времени возражал против нее, считал ее элементом неуживчивым с крайне сварливым характером.

Я говорю, что мотивировка, которая была приведена, я не мог разобрать, но такая была мотивировка.

Какие факты, я считаю, требуют расследования. Прежде всего по ряду не ведущих руководителей кафедр, а по некоторым рядовым работникам, в частности здесь взять т. Балашов¹ — обвиняется в очень тяжелом преступлении потому что, я на этом примере хочу показать, что этот документ не является тем документом, Балашову вменяется неправильный отзыв об Энгельсе (*зачитывает*).

Балашов сообщил, что он не так говорил и в подтверждение привел выписки из записей студентов, где видно, что это заявление опровергается. Балашов является бывшим работником Министерства высшего образования, молодой работник, член партии, может быть он действительно и ввел в заблуждение, но он ссылается на документы — записи студентов, и я считаю, что в постановление такие факты включать нельзя.

Затем вопрос с программой. Нельзя так судить. Соединенные Штаты Америки как заголовок должны быть сбоку, и это опечатка

¹ Балашов Николай Иванович (1919–2006), литературовед, доцент кафедры всеобщей литературы Пединститута им. В.П. Потемкина (с 1945), старший инспектор ВКВШ — МВО (1944–1946), к.ф.н. (1945, с 1976 — доктор наук), впоследствии — действительный член РАН (1992).

типографии, нельзя же на печатке строить обвинение. Это сделано в типографии, а вовсе не наша ошибка, но это не является характеристикой программы. Опечатки бывают и очень досадные, но тем не менее это опечатка. Нужно было прежде, чем представлять на коллегия, выяснить и согласовать. Я возражаю.

Дальше вносится предложение отменить программу истории западной литературы XVIII века, составлена Эйхенгольцем, Металловым и доцентом Ива...[Ивашевой]. Я не знаю такой программы, но у нас ни Металлов, ни Ива...[Ивашева] участия не принимали. Эйхенголец принимал участие, но затем после критики он снял свою подпись, мы сами стали разрабатывать программу. Я считаю, что программа должна быть подвергнута обстоятельному анализу, но нельзя выносить на коллегия. Я возражаю и считаю, что в таком виде выносить на Коллегию Министерства неправильно.

КОЧЕРГИН. — Тов. Шимбирев, скажите, а что бы вы могли добавить после вашего замечания отдельных пунктов в смысле разоблачения космополитов, в частности по вашим вузам, по системе педагогических вузов?

ШИМБИРЕВ. — Добавить тут нечего.

КОЧЕРГИН. — И смазывать не стоит безобразия, которые допустили. Вы стали на этот путь совершенно неправильно.

УХАЛОВ. — Мне кажется, что здесь обращают внимание на неуживчивый характер т. Демешкан и уходят от партийной постановки вопроса. Ну что же такое, что был ряд столкновений с работниками, которые обследовали, может быть не следовало посылать в числе членов комиссии человека, с которым была длительная вражда, но вот та комиссия, которая работала на филологическом факультете, так глубоко изучила материал, как ни одна комиссия. Два раза кафедру обследовали, но такого глубокого обследования не проводили. Они прочитали большинство дипломных работ, кандидатские диссертации, просмотрели программы. С таким материалом можно спорить в таком случае, если будем придирается к мелочам. Дело же не в этом. Надо говорить полным голосом. Мы на факультете критиковали отдельных космополитов, но по-семейному, а тут нужна глубоко политическая постановка вопроса. И если мы пойдем по такому пути — здесь тенденциозно, здесь несправедливо, мы скатимся на чисто дяляческие позиции и потеряем перспективу, которая должна быть нами ясно намечена.

Я считаю, что критика, которой был подвергнут филологический факультет, в основном правильная. Я бы мог привести, что учебник, на который ссылались, был изъят в 36-м г. и факультет не пользовался им, не было еще кафедры. Можно было бы говорить, что статья о Фейхтвангере была написана Металловым тогда, когда Фейхтвангер был в Советском Союзе и другая постановка была, но дело не в этом, а дело в том, что мы не разгромили космополитизм, а мы должны были это сделать.

Филологический факультет делает все выводы из критики, которая была у тов. Шапкарина. В основном постановка вопроса и выводы правильные, и тут нужно не разбираться и проверять, а решать вопросы, которые стоят чрезвычайно остро.

ГЛАГОЛЕВ. — Сейчас идет речь о решении большой государственной задачи, и нужно отбросить мелкие вопросы. П.Н. [Шимбирев] неправильно в своем выступлении поставил вопрос.

Нужно поставить вопрос — правильна ли по существу оценка и анализ положения, данные в докладе тов. Шапкарина. Если правильно в основном, то в чем и как нужно внести те или иные коррективы, чтобы помочь министерству лучше провести работу по перестройке. Согласовано ли, или не согласовано — это второстепенный момент, не имеющий существенного значения.

Дело усложняется тем, и об этом говорил т. Шапкарин, что эти люди, о которых идет речь и в проекте постановления, и в докладе, они занимали позиции ведущей группы, которые в глазах Министерства являлись ведущими фигурами и арбитрами, основными специалистами, которые решали все вопросы по западноевропейской литературе, которые руководили основной работой по составлению программ, которые проводили конференции и т. д.

Тут совершенно ясно, что должна быть какая-то явная позиция нашего Главного управления университетов, а также Отдела педагогических вузов, и я считаю, что бесспорно командные позиции на этом участке были захвачены группой лиц, которые были связаны друг с другом, в основном, более или менее тесными отношениями, которые проводили политику нам вредную и враждебную, как Нусинов насаждал политику воспитания не наших кадров, не нужных нам кадров, не тех кадров, которых мы должны были готовить на факультете западноевропейской литературы.

Всем известно, что Эйхенгольц и Нусинов, и Металлов, и Исбах все были связаны между собой. Бесспорно, что Нусинов выступал по диссертациям и Металлова, и Исбаха. Бесспорно, что подбор аспи-

рантов был поставлен антигосударственно, неправильный. Бесспорно и то, что направление, методологическое направление были не марксистское воспитание кадров по западноевропейской литературе.

Я не считаю, что если мы это признаем как бесспорный факт, то тем самым должны абсолютно и избежать всякого дифференцированного подхода при оценке кадров преподавателей по каждому вузу, т. е. объявить всех этих лиц или всех работников.

Когда читаешь предложение, то получается, что все работники этого участка по западноевропейской литературе, все они сплошь антипатриоты, космополиты, проводившие враждебную линию и т. д. Т.е. получается, что весь этот участок сплошь был захвачен чуждыми и враждебными людьми, участок сильно засорен, но сказать, что были только не наши люди, но предложение такое, что там нет достаточно дифференцированного подхода.

Надо говорить о людях, нам враждебных, типа Нусинова, затем о помощниках врагам и третье — о людях, которые занимались систематически и ошибались, о людях, имевших ошибки, но нежелающих их признавать и перестраиваться, и о людях, которые имели эти ошибки, но которые являются ценными специалистами советского типа и которых мы должны все-таки так или иначе перевоспитывать, и заставить их перестроиться и быть полезными людьми в советском государстве.

Конкретно буду говорить. Стоит вопрос о кафедре западной литературы Московского университета. В докладе говорится о Пинском — талантливый преподаватель, есть у него серьезные ошибки эстетического порядка и [идеологического] порядка. Это человек, в отношении которого нужно поставить вопрос так — сумеем ли заставить в ближайшее время по-настоящему, полностью свои ошибки изжить.

КОРОЛЕВ. — А надо ли идти по такому пути?

ГЛАГОЛЕВ. — Надо. Мы не можем полностью оголить весь фронт и выбросить людей, которые могут быть полезны. Тут не может быть огульного подхода. Если товарищи не захотят раскритиковать свои ошибки и полностью перестроиться...

САМАРИН. — Когда мы обсуждаем людей, допустивших ошибки, мы анализируем и корни, которые питают эти ошибки.

ГЛАГОЛЕВ. — Люди типа Гальпериной в своей практике проводили влиявшие на них раньше буржуазные идеи, не марксистско-ленинскую линию.

САМАРИН. — А сколько ей лет, чтобы она могла быть раньше под влиянием буржуазных идей?

С МЕСТА. — 42 года.

САМАРИН. — Вы в коллективе у себя серьезно должны решать вопрос о кадрах.

ГЛАГОЛЕВ. — Вопрос о программах. Дело в том, что вопрос о программах обстоит таким образом, что одним и тем же автором писались и редактировались программы. Возьмите программу, которая написана Ивашевой и ею же редактировалась. В этих программах часто принимали участие и они были одобрены работниками ЦК, несущими ответственность за это дело. Я ставил вопрос о тов. Николаеве¹, который является членом кафедры института, работал в течение ряда лет и не сигнализировал ни разу о крупнейших безобразиях.

САМАРИН. — Причем здесь ЦК, его работники, какое это имеет отношение к обсуждаемому вопросу?

ОРЛОВ. — Мне кажется, что прежде всего нужно дать ответ по существу ряда вопросов, поставленных на заседании Коллегии Министерства высшего образования. Нужно прежде всего рассмотреть это в плане правильных принципиальных установок в свете тех указаний, которые дает партия по борьбе и по разгрому космополитизма.

С этой точки зрения рассматривая доклад, нужно сказать, что доклад правильно отразил состояние преподавания западной литературы в педагогических вузах. Министерство высшего образования после опубликования статей дало указание директорам вузов начать работу внутри институтов по разоблачению космополитизма на отдельных кафедрах, путем проведения заседаний ученых советов, заседаний кафедр, факультетов, имея в виду, что на ряде участков и западной литературы, и ряде других участков имеются проявления космополитизма, объективизма и других ошибок идеологического порядка, которые также льют воду на мельницу космополитизма. Пока эта работа проводится. Я хочу высказать свое мнение по поводу

¹ Николаев Виктор Николаевич, к.ф.н., специалист по зарубежной литературе; инструктор сектора художественной литературы Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член редколлегии журнала «Советская литература», сотрудник ИМЛИ.

всего материала на основе личных впечатлений при обсуждении вопроса в институтах.

Вчера я был на заседании ученого совета Московского областного педагогического института, где деятельность кафедры западной литературы была подвергнута большой уничтожающей критике в докладе и в выступлениях, где указывалось, и конкретные выступления подтвердили факты космополитизма со стороны руководителя кафедры доцента Исбаха. Он уже отстранен руководством института от работы и несомненно, здесь решение правильно, но в институте с преподаванием не только Исбаха, но дело с преподаванием и других работников кафедры отмечали ряд ошибок по этой же работе, и у других работников кафедры также отмечался ряд серьезных недостатков в подборе самих аспирантов. Естественно, раз был такой состав кафедры, это определяло и работу аспирантов.

Но в Областном педагогическом институте там был ряд совещаний, были ученые советы факультета и института, где деятельность, работа кафедры западной литературы была подвергнута критике и руководство проф. Эйхенгольца. Он также отстранен от руководства кафедрой.

В части критики работы о положении в Областном институте там много уделялось внимания о неблагоприятном положении с аспирантским составом и с работой аспирантов. Сейчас Эйхенголец обходит все учреждения и доказывает, что он не при чем. Причем он человек ловкий, запасася документами, но существо ясно не на основе документов, а на основе непосредственных деяний, на основе отзывов всего коллектива, совершенно ясно, что здесь ошибки не допущено в отношении оценки проф. Эйхенгольца.

Теперь в отношении положения в институте им. Ленина, действительно ли институт им. Ленина в течение ряда лет являлся центром таким. В 1945 году Нусинов был освобожден от заведования кафедрой и все факты, которые относятся к прошлой деятельности, правильно характеризуют положение в институте Ленина. Но директор института дал справку, что был освобожден, с августа был на полставки. У руководителей института была твердая линия, чтобы Нусинова изъять. После этого он оказался в институте иностранных языков, но наследство в институте Ленина было безусловно его.

В этом материале настоящее положение в институте Ленина не освещается, фамилии не называются. На заседании Ученого Совета деятельность кафедры западной литературы в настоящем составе не подвергалась особой критике. Может быть, там нет людей типа Исбаха, но серьезные недостатки в преподавании западной литературы есть и нужно основательно поработать, чтобы обследовать состояние преподавания

и подвергнуть критике ошибки отдельных работников кафедры, которые имеют место. И в ряде других кафедр эту работу нужно продолжить.

На сегодняшний день положение в двух институтах, городском и областном, нетерпимое и требует принятия срочных мер в свете решений и указаний, которые имеются по этому вопросу. Я должен оказать, эти меры принимаются. Та критика, которая была в институтах, недостаточно вскрыла все недостатки. Недостаточно разобрались в деятельности Эйхенгольца и в этом направлении предстоит большая работа».

И общая оценка правильная, в педагогическом институте имела место группа, которую называли Исбах – Эйхенголец, раньше Нусинов, которые нанесли огромный вред. Нужно сейчас пересмотреть и преподавание, и научную работу, и состав аспирантуры. Была упомянута вскользь конференция в 48 году. Был правильный установочный доклад на пленуме конференции, а на западной секции были большие затруднения, обратились в университет и оттуда прислали товарища руководить секцией. Но в число докладчиков попали те люди, которых тут называли и здесь мы допустили большую ошибку.

Заявление товарища Шапкарина в документе, который утвердило Министерство Просвещения. Министерство просвещения никаких документов не утверждало, так как кандидатский минимум нами не утверждается, литературы для аспирантов мы не даем, — это дело Министерства высшего образования.

Я получил сведения, что здесь может идти речь о том, что один из периферийных работников прислал материал на прикрепление его к аспирантуре и ходатайствовать об этом перед Министерством высшего образования. Он прислал план своей диссертации и список литературы, который тут фигурирует. Один из работников Отдела кадров и направил вам материал. Безусловно, может быть, не нужно было такой документ направлять. Отдел кадров ГУУЗа нам этот документ не утвердил.

В отношении мероприятий Министерства просвещения, которые сейчас проводятся как обсуждение, которое идет на ученых советах, вскрывает наличие космополитизма, объективизма не только у преподавателей кафедры западной литературы, но и других кафедр, в частности, в институте педагогическом им. Потемкина фигурирует Гроссман¹, затем в Институте им. Ленина [С.И.] Бернштейн, Нейман² и других.

¹ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), литературовед, писатель, преподаватель МГПИ им. В.П. Потемкина, с 1945 – профессор, подвергся критике как космополит.

² Нейман Борис Владимирович (1888–1969), литературовед, д.ф.н., профессор.

ДЕМЕШКАН. — Вопрос, который здесь поднят может быть отдельным товарищам неизвестен, но мы имеем огромный материал по каждому пункту и полностью аргументировали свои выводы, и члены комиссии не впервые сталкивались с этим вопросом, мы с этой группой ведем борьбу в течение десяти лет, мы уже много раз выступали против группы Нусинова и точно мы вооружены достаточно 10-летним изучением этой школы.

Мы перечитали все статьи, все работы, проверили всю деятельность этой компании, но интересовались и судьбой нашего молодого поколения. Нусинов действовал открыто. Тов. Шапкарин приводил факты, мы писали о его деятельности. Мною было написано письмо в ЦК Партии о работе этой группы в институте им. Ленина, и было указание снять Нусинова с работы, но Агроскин¹ пристроил его в Институт иностранных языков, который воспитывает кадры для заграницы; мы опять писали, но нам не всегда удавалось пробивать эту стену. Это была настоящая борьба. Члены группы вели борьбу до последнего. Металлов говорил, что он ведет борьбу до полного уничтожения, чтобы мы печататься не могли нигде, ни в одном органе печати, и был закрыт доступ во все органы печати.

Потому что всеми литературно-критическими отделами заведовали друзья Нусинова, космополиты, которые сейчас разоблачаются.

Товарищ Шимбирев сказал, что для него глубоким материалом был доклад товарища Жданова, но тов. Жданов именно и учил до конца глубоко разбирать каждый вопрос, откуда это идет. Чем глубже сумеем проанализировать, тем лучше сумеем понять и измерить тот вред, который нанесли безродные космополиты культуре, науке, образованию.

Товарищ Чемоданов рекомендовал нам посидеть по два часа на лекциях и больше ничего мы не должны были делать. Это неправильно. Мы не знакомы с товарищем Чемодановым, а он говорил о моем характере, но меня хорошо знают и по моим статьям и по тому, что первый удар Нусинову был нанесен мною, что он убежденный враг народа, русских за людей не считает и в таком духе воспитывал молодежь. Он внушал русской части студентов, что они не способны учиться. Студенты и говорят — не пойдем в аспирантуру по западной кафедре, потому что говорят, что мы не так способны. Эту группу точно можно назвать, что это диверсионная группа.

¹ Агроскин Иосиф Ильич (1900–1967), ученый-мелиоратор, доктор технических наук (1938), профессор по кафедре гидравлики, с 1946 по 1948 — зам. министра высшего образования СССР.

Большинство членов этой группы происходило из крупной еврейской дореволюционной буржуазии, большинство побывало за границей, вышли из троцкистов, из бунда. Они связаны друг с другом с детских лет. Аникст знает Нусинова еще со Швейцарии, вместе приехали в 191[7] г. Они совершенно откровенно проводили свою вредительскую деятельность. Профессора Нусинова никто не пытался разоблачить, и они это прекрасно понимали. Раскусила его молодежь, но с нами, только что вошедшими в литературу представителями молодежи, мало кто считался. Он говорил, что книга Стефана Цвейга о Толстом стоит всех работ Ленина о Толстом – это говорилось на кафедре в 1945 г.

Трудно передать всю ту пакость, которую мы слышали с кафедры в эти годы. Если бы вы посмотрели на план диссертаций, он всегда рекомендовал «исторические» так называемые темы, как например, он не говорит Мильтон в России, мы можем говорить только Россия в Мильтоне – это он связывал с определенной исторической закономерностью. Он не мог представить такого положения, чтобы русская культура стояла во главе цивилизации, доходит до таких утверждений: «А хорошо Бродский Державина назвал великим? Бродский подслуживается к русским».

Но вместе с тем Нусинов поддерживал, понятно, все антисоветские диссертации, после решения ЦК поддерживал Гальперину по двум диссертационным выступлениям. Она сделала доклад из своей антисоветской диссертации и утверждала, что декаданс это вершина мировой культуры, который породил Горького.

Характерно, что Нусинов, который был сознательно разоблачен в 1939 г. нашей центральной прессой, где он назывался меньшевиком, троцкистом, где точно классифицировалась его деятельность, Нусинов сошел со сцены, во время войны стал активно приподниматься. И странное дело, никогда Нусинов не упоминался в качестве обязательной литературы в программах советских вузов, а во время войны стали его пропагандировать. Нусинов в 1948 г. утвержден Главным управлением университетов и наряду с Нусиновым фигурирует известный немецкий националист Дебелиус и потом уже в рекомендованной литературе указывал Ленина и Сталина, и указывается, что статьи могут быть прочитаны на выбор или Ленина или Нусинова.

Вот отношение к марксизму. Мало того, что они искажают и извращают и дискредитируют, они допускают оскорбление выпущенных материалов Маркса и Энгельса. Ивашева в своей диссертации, которая была дважды рекомендована к защите и не принята только благодаря моему вмешательству, так как я достаточно хорошо знаю материалы,

чтобы разоблачить. Вот отчет Гальпериной в том, что она изучает классиков марксизма-ленинизма, она название статей переврала. Вот как дает классиков марксизма-ленинизма Ивашева, она дает только отдельные страницы этих работ, дает на спецкурсах (*зачитывает*).

Тут т. Чемоданов говорил, что это не система. Я считаю, что за систему этих людей давно бы посадили, если бы они систематически, каждый день говорили, что Стефан Цвейг выше Ленина. Но есть вещи, за которые достаточно было бы передать в трибунал. На это имеются документы.

Вот спецкурс, который Гальперина проводила в прошлом году: «Стихи Рембо...» (*читает по материалам*).

В университете нет ни одной дипломной работы, ни одной диссертации, где показывалась бы роль русской литературы в развитии мировой литературы, роль русской критики в развитии мировой критики. Все острые актуальные проблемы, которые назревали в нашей науке и являлись средством воспитания патриотизма у студенчества, — ни одной такой темы нет. Студенты заявляли, что они просят, чтобы организовали чтение курса русской литературе, ознакомления с творчеством революционных демократов. Этот не организовали, зато пригласили Мотылеву, которая должна была прочесть курс о влиянии русской литературы на западную. То, что мы сейчас находим в области западной литературы, это не просто кампания, это связано с коренными интересами нашего народа, и мы никто не остановимся на полпути и доведем дело до конца. Это связано с коренными интересами русского народа, это серьезная большая опасность, стремление разоружить народ перед лицом империалистической реакции, оглупить, одурачить. Много лекций было о самой реакционной литературе, как Андре Жид, Шопенгауэр. В этих программах нет ни одной фразы, которая не вызывала бы возмущения, их нужно отменить.

ЗОТОВ. — Доклад тов. Шапкарина предоставляет большую политическую ценность. Я, как директор института иностранных языков, несмотря на то, что на прошлой неделе я был именником [!] здесь, но я хотел бы еще раз сказать, что в докладе тов. Шапкарина политическая сторона дела представлена совершенно правильно.

Я должен сказать тт. Шимбиреву и Глаголеву, что они здесь выступали совершенно не с тех позиций, с которых нужно выступать на Коллегии. Я в первый раз вижу тов. Демешкан, но вижу, что говорит партийный человек, по партийному ставит вопрос. И непонятна позиция тов. Глаголева, который обследовал институт, где сидел Нусинов, и не вскрыл причины, которые привели к такому состоянию.

Тов. Плаголев, если вы обследовали институт, хотя бы с директором поговорили, а вы только, представили мне бумажку об обследовании и больше не разговаривали со мной, может быть директор мог бы вам помочь в этом деле. Встает вопрос, какими же хитрыми методами действовали враги народа, такие Нусиновы, почему мы, директора, которые сидим уполномоченными партии и государства в институте, почему мы сами не взялись, как следует быть за разоблачение всей этой космополитической и враждебной нам работы. Поймите нас, директоров, мы связаны были сверху и внизу. [*далее пропуск листа стенограммы*]

[ДЕМЕШКАН] ...Нусинов был поддержан. Раньше его поддерживало Министерство просвещения, из одного вуза взяли в другой вуз, перевели и последовательно из месяца в месяц он вытаскивает свои кадры одной и той же с ним национальности, и сейчас двое русских остались на кафедре, остальные нерусские. По определенному признаку подбирались кадры, причем если сопротивляются такому подбору, сопротивляются, начинаются звонки из Отдела преподавания иностранных языков. Когда он был в министерстве и Зусманов и Чемоданов и вплоть до Агроскина все поддерживали Нусинова. У нас не было штата аспирантуры, а у него 4 человека аспирантов и присылаются бумаги, все подписанные, с приказанием принять аспирантов и передать их в руки Нусинова, мы никогда не представляли таких требований на аспирантов, так как не имели права, у нас нет на кафедрах узаконенных аспирантов.

Я хотела сказать, что мы просмотрели многое и проявили близорукость в этом отношении и большого порядка совершили ошибку, что во время не рассмотрели противников.

Я бы просила Министерство высшего образования по отношению к нашей кафедре принять самые жесткие меры. Я обращалась в Министерство высшего образования с письмом об освобождении 7 человек. Тов. Шапкарин указывает на одного космополита, которого мы разоблачили — это Мендельсон. Он в Советский Союз приехал недавно, в 1934–35 г. (*зачитывает*).

Мы дадим жестокий бой этим людям, которые занимают в ВАКе посты.

ИВАЩЕНКО. — Я хочу выступить в качестве члена экспертной комиссии и должен сказать, что все попытки опорочить честную и добросовестную работу комиссии, выводы которой определяются на огромном материале, вызывают у многих глубочайшее возмущение.

Я не могу кратко не остановиться на выступлении проф. Шимбирева. Он защищает программу, на которой красуется его имя, программу, в которой ведется откровенная пропаганда самых растленных явлении зарубежной литературы, и это факт, а он говорит, что Металлов не принимал участия в составлении программы. Вот программа, на которой красуется подпись ответственного редактора проф. Металлова.

Я перейду к существу вопроса. Чем сильнее и глубже вскроет советская научная общественность все формы деятельности безродных космополитов и буржуазных националистов, тем лучше. Мы боимся, что оголим преподавание западной литературы, останемся без людей, не на кого будет опереться, но лучше не опираться на такие кадры. Вот А.В. [Шапкарин] показал чудовищное расхождение между реальной нагрузкой с целой шайкой дармоедов, которые кормились на чужой счет. Они играли на своей незаменимости.

Не позднее, как вчера закончилось вторичное партийное заседание бюро Института мировой литературы, на котором разоблачен во всей жалкой наготе Кирпотин¹, который предстал перед всеми прежде всего как вор, хапуга, чуждый советской действительности человек. Его исключили из партии.

Всю эту шайку связывала круговая порука, они пытались монополизировать и закрепить за собой наиболее ответственные места в советской науке о литературе своим лжеавторитетом. Возьмите профессора Металлова, я несколько подробнее хочу остановиться на этой фигуре потому, что он до сих пор пользуется каким то авторитетом. Он председатель экспертной комиссии ВАК. Это страшно, так как в руках такого человека находятся судьбы советских людей, которые идут в науку. Что представляет докторская диссертация Металлова о Гейне? Главным оппонентом был Нусинов. Это сумбурная, противоречивая, халтурная работа в 1200 страниц. Прочсть ее — это подвиг сам по себе. Она построена на мотивах самого развязного буржуазного национализма. Металлов обыгрывает у Гейне его еврейское происхождение, выставляет его совершенством мировой культуры, которое возвышается над всей действительностью не только культурной, но и политической мысли 18–19 веков. Он пишет: «Гейне стоит в авангарде истории. Огромной заслугой Гейне является то, что он задолго до знакомства с Марксом рвется к революционной демократической

¹ Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1997), литературовед и критик, д.ф.н., зам. директора ИМЛИ; в 1949 лишен должности, исключен из рядов ВКП(б).

борьбе, а как только позволяют условия, становится плечо к плечу с Марксом и Энгельсом». Он называет Гейне «политически мудрым революционером», кстати сказать, называет «космополитом, у которого глубочайшее понимание диалектики Гегеля, вскрывает материалистическую основу ... [отточие в тексте] коммунизма, с гениальной прозорливостью проникает в историческую сущность революционной борьбы». Куда там Маркс и Энгельс, он – центр, пуп, сила, он – гвоздь всех возвышенных взглядов, и нет мировой культуры, он все воплощает в себе.

Наконец второе, это полная, это откровенная клевета на русских революционных критиков. Никто из наших критиков не мог понять Гейне. Писарев – он не мог понять Гейне. Добролюбов искажил стихи Гейне, и т. д. А кто оценил Гейне, а искренние его почитатели, императрица Елизавета Австрийская и Меттерних... (*зачитывает*). Затем Бисмарк... (*зачитывает*). Затем он говорит, что своими успехами Некрасов в 1861 г. был обязан не своим стихам, а тем, что в этом году умер Гейне, так и указывается, что Гейне повлиял на Некрасова, и это обеспечило успех (*зачитывает*).

Я должен привести одну цитату, в которой находим открытое издевательство над Маяковским. Говоря об Уитмене и Маяковском, он переходит к Гейне и говорит: «Несравненный в мировой литературе поворот совершил Гейне. Ни до, ни после Гейне никто в мировой поэзии не сумел написать столь совершеннейших, влияющих на много-миллионные народы, стихов». Куда тут Маяковский.

Не могу не позабавить вас одной цитатой, но это одна капля в море. У Гейне есть проблема вкуса и приличного питания, в позитивной программе его творчества это ультра-материалистическая проблема. Поэт глубоко и совершенно справедливо убежден в том, что раковый суп непосредственно вытекает из свободы и конкретизирует ее.

Какие же диссертации выходили из под пера Металлова?

Под руководством Металлова была защищена в 1945 г. диссертация Валевиц «“Волшебная гора” Томаса Манна». Находим следы металловского руководства. Это самая разнузданная эротика и апология смерти: «В ночь карнавальную...» (*читает*). Вот тема диссертации и выдержка из диссертации, которая защищалась в 1945 году.

САМАРИН. – (См. материал для протокола).

3.

Проект от 22. III. 49

Решение

**Коллегии Министерства высшего образования СССР
О мерах по улучшению работы филологического факультета
Московского государственного ордена Ленина университета
им. М. В. Ломоносова¹.**

[К заседанию коллегии МВО СССР 23 марта 1949 г.,
подготовлен К.Ф. Жигачем и А.В. Топчиевым²]

Заслушав доклад декана филологического факультета Московского государственного университета проф. Н.С. Чемоданова, Коллегия отмечает:

Исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и решение августовской сессии ВАСХНИЛ поставили перед советскими языковедением, литературоведением и искусствоведением огромной важности задачи в деле дальнейшего развития передовой марксистско-ленинской науки и коммунистического воспитания кадров филологов.

В науке о языке эти задачи сводятся, прежде всего, к решительному разгрому и полному преодолению пережитков буржуазной формалистической и идеалистической лингвистики с ее лженаучной расовой «теорией» праязыков, и к перестройке всех научных дисциплин, в частности по русскому и романо-германскому языковедению, на основе материалистического учения о языке академика Н.Я. Марра.

Основной задачей литературоведения и искусствознания является беспощадная борьба с враждебным советскому народу безродным космополитизмом, формализмом, низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой.

Однако перестройка идейно-теоретической, политико-воспитательной и организационной работы на факультете проходит неудовлетворительно.

¹ ГА РФ. Ф. 9396 (МВО). Оп. 1. Д. 226. Л. 225–230. Машинопись, подписи-авторафы; перед заседанием проект был тиражирован на ротаторе в 25 экз. — один из них отложился в этом же деле, лл. 138–142. Приложения, указанные в тексте, в архивном деле отсутствуют.

² Топчиев Александр Васильевич (1907–1962), доктор химических наук (1944), зам. министра Высшего образования СССР (1947–1949), в июне 1949 избран действительным членом АН СССР (1949) и назначен главным ученым секретарем Президиума АН СССР.

Руководство лингвистическими кафедрами на факультете в течение ряда лет возглавляется сторонниками старого языкознания, отстаивающими отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедывающими чуждые советской науке формалистические теории сосюрианства и структурализма (акад. Виноградов – зав. кафедрой русского языка и бывш. декан факультета; проф. Петерсон).

На факультете замалчивается и не получает развития материалистическое учение о языке Н.Я. Марра. Враждебное материализму формалистическое направление в лингвистике, ведущее свое происхождение от либерально-буржуазной школы Фортунатова, Шахматова, Бодуэна де Куртене и находящееся в тесной связи с современной зарубежной лингвистикой, не разоблачается и имеет прямых приверженцев (проф. Аванесов, проф. Кузнецов, проф. С.И. Бернштейн).

Бывший зав. кафедрой сравнительной грамматики индоевропейских языков проф. М.Н. Петерсон в своих курсах проповедовал теорию праязыка, а в статьях, напечатанных в изданиях факультета, утверждал, что сравнительный метод Фортунатова способен разрешать все задачи, стоящие перед языкознанием, профессор Аванесов эклектически объединяет советскую науку с мнимыми «достижениями буржуазной лингвистики».

Ошибки, допускаемые в трудах отдельных работников факультета (пособие акад. Виноградова «Русский язык» и его же «Очерки по истории русского литературного языка»), и замалчивание учения о языке Н.Я. Марра неоднократно подвергались на факультете критическому обсуждению.

Однако, несмотря на признание акад. Виноградовым и проф. Аванесовым своих идеалистических ошибок, существенных изменений в учебной и научной работе факультета не произошло. Большинство основных языковедческих курсов на факультете все еще строятся на основе буржуазного сравнительного языкознания, а ученые-языковеды факультета не опубликовали ни одной серьезной работы, являющейся вкладом в марксистское языкознание.

Кафедра общего языкознания не является центром методологической перестройки языковедческих дисциплин на факультете и не оказывает влияния на работу других лингвистических кафедр, недостаточно пропагандируют достижения марксистского языкознания.

Кафедра русского языка (акад. Виноградов) не перестраивается, не обсуждает основных вопросов истории и теории русского языка в плане материалистического языкознания, не критикует допущенных ею ошибок, не воспитывает студентов и аспирантов в духе марксистского учения о языке Н.Я. Марра.

На кафедре романо-германской филологии (проф. Смирницкий) до сих пор не изжиты идеалистические структуралистические ошибки, в курсах кафедры не критически излагаются буржуазные концепции в языкознании.

Многие профессора и доценты литературоведческих кафедр в курсах и опубликованных работах протаскивали космополитические взгляды (проф. Мотылева, доц. Аникст, доц. Гальперина, доц. Фридман). В работе кафедры русской литературы до сих пор имеют место рецидивы буржуазного компаративизма и теории единого потока развития русской литературы (проф. Г.Н. Пospelов, проф. Бродский). В курсах всеобщей литературы читается исключительно литература Англии, Германии, Франции, США и совершенно замалчивается богатая литература славянских стран Польши, Чехословакии, Болгарии.

Кафедра советской литературы не стала центром перестройки литературоведческих дисциплин на факультете, недостаточно пропагандирует достижения советской литературы и до сих пор не создала курса литературы народов Советского Союза.

Курсы, читаемые проф. Богатыревым по фольклору, пропагандируют чуждые советской науке структуралистические концепции.

Крупные недостатки имеются и в подготовке аспирантуры на факультете, большое число аспирантов кончают аспирантуру без защиты диссертаций, неудовлетворительно организована педагогическая практика аспирантов, тематика некоторых спецвопросов и диссертаций неактуальна.

Недостаточная борьба с космополитизмом и рецидивами буржуазных влияний в работе отдельных профессоров привела к тому, что перестройка факультета в духе требований, вытекающих из решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, осуществляется крайне медленно.

Программы ряда основных курсов по истории западной литературы (автор Е.Л. Гальперина), по истории западноевропейской литературы XVIII в. (автор Л.Е. Пинский) и по истории новой западной литературы XIX в. (автор В. Ивашева) остаются методологически неудовлетворительными, ведущие курсы не обеспечены учебниками, а имеющиеся, например, учебник новейшей литературы Гальпериной и методическое пособие Ивашевой методологически несостоятельны. Работа по созданию новых учебников не стала в центре внимания факультета и всех кафедр, а существующий план подготовки учебников находится под угрозой срыва.

Слабо развернута научно-исследовательская работа кафедр. Мало работ по актуальным проблемам современности. Недостатком науч-

ной работы факультета является ее многотемность и распыленность, деканат и кафедры не осуществляют контроля за выполнением плана и качеством научно-исследовательских работ.

В изданиях факультета имеются грубые методологические ошибки (статья проф. Петерсона – «Проблема метода в языкознании», вып. 1-й, проф. Г.Н. Поспелова «Проблемы романтизма», вып. 3-й, статья профессора Пиксанова «Проблемы изучения литератур народов СССР», вып. 7-й и др.).

В целях устранения отмеченных недостатков в работе филологического факультета Московского государственного университета, Коллегия

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ректора университета акад. Несмеянова А.Н.:

а) коренным образом перестроить учебную и научную работу факультета, решительно борясь с космополитизмом, аполитичностью формализмом и рецидивами идеализма в педагогической и исследовательской работе;

б) практиковать на ученом совете и кафедрах факультета широкое обсуждение основных курсов лекций по узловым вопросам и научно-исследовательских работ;

в) улучшить издательскую работу факультета, повысить идейный уровень печатных работ факультета;

г) обеспечить выпуск в сроки полноценных учебников по русскому языку и русской советской литературе. Утвердить план подготовки учебников по филологическим дисциплинам согласно приложению № 1;

д) закончить к маю 1949 года переработку учебных программ (согласно приложению № 2) и проекты новых программ представить на утверждение главного управления университетов;

е) развернуть воспитательную работу среди преподавателей, аспирантов и студентов факультетов в духе советского патриотизма и беспредельной любви к нашей родине;

ж) организовать семинары и спецкурсы по Новому учению о языке Н.Я. Марра;

з) включить в курс всеобщей литературы историю литературы стран народной демократии;

и) уточнить учебные планы отделений факультета и представить их к 15 апреля 1949 года на утверждение руководства Министерства;

к) решительно улучшить состав аспирантуры, в особенности по кафедрам русского языка и славянских языков и литератур;

л) изъять из обращения учебные программы по западной литературе XVII и XVIII вв. (автор Пинский), XIX века (Эйхенгольц), XX века (Гальперина) и учебники по новейшей западной литературе (автор Гальперина) и методическое пособие (автор Ивашева).

2. Поручить начальнику главного управления университетов К.Ф. Жигачу:

а) организовать летом 1949 г. при филологическом факультете Московского университета месячные курсы для преподавателей университетов по общему языкознанию, русскому языку, русской и советской литературе и литературе народов СССР;

б) провести в 1949 году совещание по программам курсов общего и русского языкознания русской и советской литературы и литературы народов СССР;

в) представить в месячный срок соображения о составе авторских коллективов по созданию учебников по филологическим дисциплинам, в том числе по истории литературы народов СССР.

3. начальнику Главного управления университетов т. К.Ф. Жигачу и Отделу труда и зарплаты (т. Пантелееву И.С.):

а) выделить в распоряжение ректора Московского университета 3 профессорских и 2 доцентских ставки, предназначенных для научно-исследовательской работы по созданию учебников по филологическим дисциплинам;

б) установить на филологическом факультете должность замдекана по аспирантуре и по отделениям русского языка и литературы, логики и психологии.

4. начальнику Главного управления университетов т. К.Ф. Жигачу и Управлению кадров (т. Галкину) укрепить руководство кафедрами русского языка, славянских литератур, фольклора, классической филологии.

5. Утвердить новую структуру и профили отделений факультета согласно приложению № 3. Искусствоведческое отделение факультета включить в состав исторического факультета университета.

6. Утвердить контингенты приема студентов и аспирантов на факультет на 1949–50 учебный год, согласно приложениям 4 и 5.

7. Освободить от работы на факультете профессора Мотылеву, профессора Бернштейн С.И., доцента Аникст и доцента Исбах.

К. Жигач
А. Топчиев

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Проект к заседанию Коллегии МВО СССР 23 марта 1949 г.

РЕШЕНИЕ

**Коллегии Министерства высшего образования СССР
Об антипатриотической деятельности группы
космополитов на кафедрах западной литературы
в высших учебных заведениях Москвы¹.**

Проверкой работы кафедр западной литературы в учебных заведениях Москвы установлено неблагоприятное положение в научной работе и преподавании зарубежной литературы.

Преподавание западных литератур в высших учебных заведениях Москвы было поставлено плохо.

В лекциях и на семинарских занятиях по западной литературы не раскрывалось величие русской классической литературы, не показывалось ее прогрессивное влияние на развитие культуры западноевропейских государств.

Творчество выдающихся деятелей отечественной культуры: Пушкина, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева рассматривалось как результат влияния западноевропейских писателей.

Принижалось значение Советской литературы и ее роль в воспитании нового советского человека.

В научных работах, в лекциях и на семинарских занятиях протаскивались космополитические взгляды на развитие отечественной культуры, литературы и искусства.

Антипатриотическая группа безродных космополитов, занявшая ответственные позиции на кафедрах советских вузов, почти откровенно ревизовала и извращала указания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по вопросам русской и зарубежной литературы.

Ныне окончательно разоблаченный Нусинов, развязно и нагло заявлял, что «есть двадцать два марксизма», и что, следовательно, марксизм – понятие неопределенное. Возглавляющий в настоящее время кафедру в Московском областном педагогическом институте проф. Эйхенгольц, в своих лекциях протаскивал порочные суждения «о наличии двух разновидностей социализма – западного и нашего русского».

¹ ГА РФ. Ф. 9396 (МВО). Оп. 1. Д. 225. Л. 6–16. Ротап rint (другой экземпляр проекта в Д. 226, л. 147–157).

Эти порочные антимарксистские взгляды Эйхенгольца и других официально были зафиксированы в «Программе по истории новейшей западной литературы», составленной доцентом Московского государственного университета Гальпериной. Проф. Эйхенголец в своих лекциях оскорбительно называл труд В.И. Ленина «Что делать?» «статейкой», заявлял студентам, что он не хочет «утруждать» их чтением цитат из произведений В.И. Ленина. Такое же отношение к трудам великого Ленина установлено у преподавателя МГПИ им. [В.П.] Потемкина Потоцкой.

На кафедре, возглавляемой безродным космополитом Исбахом (МГПИ им. Потемкина) наблюдались факты бестактных выпадов против Маркса и Энгельса. Лектор Н. Балашов заявлял, что Энгельс «не понял» книгу Генриха Гейне «Людвиг Берне», что «Маркс своим авторитетом прикрыл неблаговидный поступок немецкого поэта Генриха Гейне».

Группа космополитов в своих работах излагала антимарксистские взгляды на выдающихся писателей западноевропейских стран (Ивашева – докторская диссертация о Диккенсе, Исбах – лекция об Анри Барбюсе, Металлов – докторская диссертация о Генрихе Гейне, Эйхенголец – статья в Большой Советской Энциклопедии о А. Барбюсе).

Приглашенная в МГУ для чтения курса современной западной литературы доктор Мотылева принизила и оклеветала в своей диссертации Льва Николаевича Толстого. Известное положение В.И. Ленина о мировом значении творчества Л. Толстого Мотылева подвергла ревизии.

Раболепское преклонение группы безродных космополитов перед растленным буржуазным Западом закономерно сочетается у них с принижением и опощением русской национальной культуры.

Одна из идейных вдохновительниц этой группы Т.Л. Мотылева утверждала, что «образы активных борцов за дело народа... появлялись в русской литературе XIX века лишь эпизодически» (статья «Мировое значение советской литературы» в сборнике «Проблемы социалистического реализма», 1948 г.).

Доцент кафедры Московского педагогического института иностранных языков и Московского государственного университета Мендельсон в своей книге «Марк Твен» уподобляет Марка Твена Гоголю. Книга его откровенно пропагандирует среди советской молодежи растленную идеологию американского капитала, собственническую мораль, неукротимую алчность к наживе, жалкую психологию американского дельца.

Великие русские критики, революционные демократы либо тенденциозно замалчивались, либо подверглись охаиванию. Доценты Гальперина и Аникст в своих докладах на Всероссийском совещании заведующих кафедрами литературы открыто игнорировали наследие русских революционных демократов. Доцент МГУ Ивашева в статье «Диккенс в русской критике XIX века» (1946 г.) объявляет Белинского учеником и пропагандистом немецкой реакционной философии.

Тлетворное влияние группы космополитов проникало в студенческую и аспирантскую среду:

Студентка Московского государственного университета Коновельцева в своей дипломной работе утверждает, что Пушкин всегда находился под всеильным влиянием западной культуры («Шекспир в журнале “Современник”», 1948 г.).

Аспиранты Лерман, Кройнс, Кораллов (областной педагогический институт), Финкельштейн, Суворова (педагогический институт им. Потемкина) и др. не знают работ русских революционно-демократических критиков, посвященных вопросам западноевропейской литературы.

Группа космополитов идейно разоружает советскую литературу, сведя ее коммунистические идеи к сумме отвлеченных моральных положений, по сути дела превращая советскую литературу в носительницу либерально-буржуазных идеалов «правды, добра, человечности» (статьи Мотылевой, Кирпотина и др.).

С вузовской трибуны нередко звучат барски-пренебрежительные отзывы космополитов о советской литературе. Так, Гальперина в своей лекции студентам МГУ заявляла, что «советские писатели умнее своего творчества», дискредитируя содержание советской литературы.

В оценке значения прогрессивной зарубежной литературы космополиты смазывают антиимпериалистическую, антифашистскую направленность творчества Фаста, Фучика, Арагона (Мотылева – статья «Советская культура и зарубежные писатели», Исбах – лекция о современной французской литературе). Наряду с этим идет откровенная пропаганда буржуазного декаданса, смакование самых упаднических, самых растленных явлений зарубежной литературы и рабское восхищение американским образом жизни. Не случайно, что за последние годы появились кандидатские диссертации, посвященные декадансу Рембо, работы Норы Гальпериной, Балашова, декадансу Верхарна работа Шенкер и т. д.

Е.Л. Гальперина в Московском государственном университете организует спецкурс на тему «Французская проза 20-х годов

XX века», делая акцент на писаниях Сартра, Селина, Мориака и других предателей французского народа. В спецсеминаре Ивашевой (Московский государственный университет) студенты делают доклады о литературе «потерянного поколения», изучая Олдингтона, Хаксли, Мэкензи и др.

Космополиты сознательно разлагают студенческую молодежь, заставляя ее изучать заведомо порочные произведения буржуазной литературы.

Характерен возмущенный отзыв студентки Булгаковой о семинаре доц. Ивашевой: «Я читаю романы Олдингтона и других с отвращением, я отплевываюсь от них, как от нечистой силы, и не знаю, что мне делать дальше, так как чувствую всю бессмысленность моей работы».

В дипломных работах студентов не используются труды классиков марксизма-ленинизма, вместо этого усиленно рекомендуются книги, изъятые органами Советской власти — Нусинова, Луппола, Воронского, Чужака и др. (Работы студентов Лурье, Фурман, Либерзон, Брегман, Радзевич — Московский государственный университет).

Одним из самых ярких проявлений реакционной деятельности группы безродных космополитов был их откровенный воинствующий национализм. Националистические тенденции последовательно пронизывают всю их литературную и педагогическую работу.

Идейный вдохновитель национализма Нусинов в книге «Пушкин и мировая литература» считает ошибкой Шекспира, что он не раскрыл образ еврейского ростовщика Шейлока, не показал его веру в то, что евреи «богом избранный народ».

Посредственный еврейский поэт Перец Маркиш, разоблаченный ныне как враг народа, провозглашается Нусиновым вершиной мировой культуры. Показательна, например, библиография к спецкурсу Исбаха: «Советская литература и современная литература Запада». Назвав две работы Горького, Исбах дает перечень литературы в следующем порядке: Исбах, Фейгельман, Мотылева, Исбах, Мендельсон, Мотылева, Исбах, Фрид, Песис и т.д.

В лекциях 1945 года Гальперина сочувственно цитировала высказывание Фейхтвангера о том, что «вся культура Возрождения возникла на традициях древнееврейской культуры». Она же, на совещании зав. кафедрами в феврале 1948 г. прямо назвала Фейхтвангера «единственным писателем Запада, который высоко несет знамя реализма». В ответ на протесты и возражения присутствующих, Гальперина прибегла к провокационной сенсации, заявив, что Фейхтвангер приезжает в демократическую Германию, что он наш друг.

Исбах в брошюре «Современная французская литература» (1947 г.) называет Фейхтвангера первым писателем, изобразившим трагедию французского народа.

Такие писатели как Гейне превращаются в орудие развязной националистической пропаганды (докторская диссертация Металлова). В целях националистической пропаганды используются такие писатели, как Золя, в связи с делом Дрейфуса. Дело Дрейфуса делается критерием, по которому оценивается прогрессивность или реакционность западноевропейских писателей (диссертация Мотылевой).

Чудовищным проявлением националистической «политики» группы космополитов является факт появления кандидатской диссертации, защищенной в 1944 г. в МГПИ им. Ленина на еврейском языке под названием: «Борьба еврейского народа против русских погромщиков-шовинистов».

Вред, нанесенный нашей науке и делу воспитания советской молодежи антипатриотической группой безродных космополитов, усугубляется еще тем, что составление важнейших руководящих документов — вузовских программ, учебников, учебных пособий в течение долгого времени являлось монополией Нусинова, Металлова, Гальпериной, Ивашевой и др. В этих программах принижалось мировое значение русской науки, литературы, искусства. Игнорировалось международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. Фактически ревизовалась марксистско-ленинская периодизация новой и новейшей истории литературы. Шла почти откровенная пропаганда американизма и идеологии буржуазного декадентства.

Программы по западной литературе XVII и XVIII в.в. были составлены доц. Пинским; по литературе XIX в. — проф. Эйхенгольц, Ивашевой и Металловым, по литературе XX в. — доц. Гальпериной и Металловым. Учебник по новейшей литературе, изъятый из обращения, был составлен Гальпериной, Эйшискиной и Запровской. Методическое пособие по новой западной литературе, составленное Ивашевой, редактировалось Нусиновым, рецензировалось Аникстом.

Члены антипатриотической группы космополитов заняли важнейшие позиции в вузах в качестве зав. кафедрами, преподавателей западной литературы, руководителей аспирантов и т. д. Они употребили все усилия для того, чтобы расставить своих людей в ведущих вузах Москвы, монополизировать научную работу и преподавание в области западной литературы.

Важнейшим центром антипатриотической группы явился Московский государственный педагогический институт им. Ленина, где

на протяжении двадцати с лишним лет развертывалась враждебная деятельность Нусинова, заведовавшего там кафедрами западной и еврейской литературы. Именно в этом институте Нусинов воспитывал свои кадры. Здесь начинали свою деятельность такие убежденные ученики Нусинова, как Гальперина, Аникст, Ивашева, Мотылева, Штейн и многие другие.

Другим гнездом антипатриотической группы стал Московский государственный институт иностранных языков, где Нусинову была предоставлена кафедра уже после того, как в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина он был снят с работы по указанию ЦК ВКП(б).

Нусинов подбирает в Московский педагогический институт иностранных языков группу единомышленников-космополитов: репрессированного Долицкого, бывшего иностранного подданного Мендельсона, Черневич, Брескину, Елина, Выгодскую, Штейна, Гальперину, Мотылеву, а также беспринципных и во всем покрывающих его Яхонтову, Зааль-Головню и др.

В Московском университете в течение многих лет заведывал кафедрой его ближайший сподвижник Металлов. Металлову и Нусинову и здесь удастся сколотить кафедру всеобщей литературы университета из той же группы последовательских [!] единомышленников — Металлов, Нусинов, Гальперина, Пинский, Ивашева, Аникст, Исбах, Мендельсон, Лозинская, Молдавская входят в кафедру старейшего русского университета.

В Горпединституте им. Потемкина кафедрой заведует космополит Исбах, сосредоточивший вокруг себя такую же группу в составе — Майзельс, Закса, Эйхенгольца, Балашова и репрессированной Арманд и др.

Кафедрой западной литературы в Московском областном педагогическом институте в течение долгих лет заведует ярко выраженный космополит Эйхенголец.

Нити антипатриотической группировки протягиваются в Библиотечный институт, где подвизаются те же лица.

Ту же картину можно наблюдать в Литературном институте Союза советских писателей, где кафедру литературы возглавляет Металлов, собрав вокруг себя Ежерец, Ивашеву и др. активных представителей указанной группы.

Они же обосновались в Высшей дипломатической школе.

В руках у Нусинова, Металлова, Эйхенгольца в течение долгих лет были сосредоточены подготовка и отбор молодых научных кадров через аспирантуру.

Через руки одного только Нусинова прошло свыше тридцати аспирантов и около 50 диссертаций по западной литературе.

Нусинов, Металлов, Эйхенгольц руководили одновременно 10-ю и более аспирантами. Дело подготовки аспирантов в их руках явилось не только средством растления нашей молодежи, но и своего рода легким способом добывания денег.

В той или иной степени, каждый, проходящий аспирантуру по кафедре западной литературы, оказывался в сфере влияния Нусинова и других. Там, где Нусинов не мог быть научным руководителем, он становился официальным оппонентом, дирижируя всем ходом защиты кандидатских и докторских диссертаций.

При содействии Нусинова была организована защита докторской диссертации Металлова, Мотылевой, кандидатской диссертации высланного из Москвы Боржок, репрессированного Сучкова и др.

Антипатриотической группе космополитов удалось встать во главе отделов западной литературы в Литературной и Большой советской энциклопедиях, где подвизались Нусинов, Эйхенгольц, Гершензон и др.

Связь с заграницей, с иностранными писателями по линии Иниздата С.С.П. также оказалась в сфере влияния этой группы. Группа космополитов обеспечила себе влияние также и в ВАК'е, в секции романо-германской филологии экспертной комиссии, председателем которых и по сегодняшний день состоит Металлов, оказывая несомненное влияние на судьбы наших ученых и советской литературы.

Вводя в заблуждение Министерство высшего образования и органы Государственного Контроля, безродные космополиты превратили кафедры всеобщей литературы некоторых московских вузов в «кормушку» для своих кадров.

Ярким примером неприкрытого расхищения государственных средств и щедрого «финансирования» космополитов является и положение на кафедре в Московском институте иностранных языков. В период пребывания в должности зав. кафедрой МОПИИЯ, Нусинов добился утверждения 44 ставок с общим объемом работы кафедры 10.717 часов в год.

В первом полугодии 1948/49 уч. года кафедра дала всего лишь 2.300 часов.

При норме годовой нагрузки в 840–730 часов в год и получая полные ставки заработной платы, преподаватель Баратов дал 149 часов, Брескина – 56; Елина – 51 час, Мендельсон – 95 часов, Выгодская – 133 часа и т.д.

Коллегия Министерства высшего образования СССР
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Осудить деятельность антипатриотической группы безродных космополитов в области преподавания западной литературы как вредную для высшей школы.

Обязать руководителей высших учебных заведений, начальников главных управлений, отделов Министерства принять меры к коренному улучшению преподавания западной литературы в вузах, положив в основу всей работы кафедр всеобщей литературы учение классиков марксизма-ленинизма, постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, редакционные статьи газет «Правда» и «Культура и жизнь», «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» и соответствующие приказы Министерства высшего образования СССР.

2. Отменить как идеологически порочные:

а) программы по западной литературе XVII и XVIII вв., составленные доцентом Пинским;

б) программу по литературе XIX в., составленную профессором Эйхенгольцем, Металловым и доц. Ивашевой;

в) программу по литературе XX в., составленную доц. Гальпериной и проф. Металловым.

3. Изъять из обращения:

а) учебник по новейшей литературе, составленный Гальпериной, Эйшискиной и Запровской;

б) Методическое пособие по новой западной литературе, составленное Ивашевой, изданное под редакцией Нусинова.

4. Главному управлению университетов, Методическому управлению, Отделу педагогических вузов и Отделу вузов искусств:

а) пересмотреть в месячный срок все действующие в вузах программы по всеобщей литературе;

б) представить на утверждение Коллегии составы авторских коллективов по подготовке учебников и учебных пособий по всеобщей литературе, обратив особое внимание, на подготовку учебников и учебных пособий по литературе и языку славянских народов;

в) пересмотреть в месячный срок действующий учебный план по всем специальностям литературного и филологического факультетов университетов и педагогических вузов;

г) в двухмесячный срок пересмотреть тематику научно-исследовательских работ кафедр всеобщей литературы.

5. Управлению кадров, Отделу аспирантуры, Главному управлению университетов и Отделу педагогических вузов:

а) провести до 1 июля 1949 года, аттестацию аспирантов кафедр всеобщей литературы в университетах и педагогических вузах;

б) в целях улучшения подготовки научно-педагогических кадров по всеобщей литературе провести отбор преподавателей периферийных вузов для прикомандирования их в годичную аспирантуру и двухгодичную докторантуру для подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

6. Управлению кадров, Главному управлению университетов, Отделу педвузов и Отделу вузов искусств, а также директорам высших учебных заведений представить в двухнедельный срок Коллегии Министерства предложения об освобождении от работы в вузах лиц, непригодных для преподавания всеобщей литературы.

7. Высшей Аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР:

а) пересмотреть состав экспертной комиссии по романо-германской филологии и вывести из комиссии лиц, пропагандирующих космополитизм, формализм и буржуазное эстетство;

б) проверить в двухмесячный срок докторские диссертации Металлова, Мотылевой, Старцева и все кандидатские диссертации по всеобщей литературе, защищенные в Московском университете, Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, Московском городском педагогическом институте им. Потемкина и Областном педагогическом институте в период с 1942 года по 1948 год, а также кандидатские диссертации Исбаха, Аникста, Гальпериной, Пузис.

8. Отделу труда и зарплаты Министерства проверить соответствие реальной учебной годовой нагрузки преподавателей кафедр, всеобщей литературы университетов и педвузов, размеру получаемой заработной платы.

9. Указать директорам высших учебных заведений, [что преподавание] заведующими кафедр учебных дисциплин, в том числе и западных литератур, должно быть пронизано духом наступательной боевой партийности. В лекциях, спецкурсах и на семинарских занятиях по истории всеобщей литературы должно быть раскрыто величие русской литературы и русской революционно-демократической критики, ярко показано их прогрессивное влияние на развитие культуры западноевропейских государств. Глубоко научно и в яркой форме должны быть раскрыты достижения советской литературы, ее заслуги перед Родиной и трудящимися всех стран в воспитании лучших черт характера нового советского человека, преданности советских людей великому делу партии Ленина–Сталина, неиссякаемой любви

советского народа к социалистической отчизне и глубокой ненависти капиталистическому миру.

Лекции и семинарские занятия по всеобщей литературе должны быть основаны на великих идеях учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Профессора, преподаватели и научные сотрудники должны беспощадно разоблачать безродный космополитизм и воспитывать студенческую молодежь в духе священного Советского патриотизма.

Литература

Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948—1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157—176.

Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83—135.

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1—2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

References

Azadovskii K., Egorov B. O nizkopoklonstve i kosmopolitizme: 1948—1949 [About adulation and cosmopolitanism: 1948—1949]. *Zvezda* [Star], 1989, no 6, pp. 157—176. (In Russ)

Azadovskii K., Egorov B. “Kosmopolity”. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], Moscow, 1999, no 36, pp. 83—135. (In Russ)

Druzhinin P.A. *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-egody: Dokumental'noe issledovanie* [Ideology and philology. Leningrad, 1940: Documentary study]. Т. 1—2. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012. (In Russ)

Faculty of Philology, Moscow State University in 1949

Selected Materials

Pyotr A. Druzhinin

Abstract: Documents from the fund of the Ministry of Higher Education (State Archive of the Russian Federation) unveil the history of the “fight against cosmopolitanism” in 1949 in Moscow among philologists, especially professors, lecturers and other faculty members. The campaign against cosmopolitanism was a part of the general state policy, its target being expulsion of the Jews from the leading positions in the universities and academic institutions. As a result of such purges on ethnic grounds, scholarly traditions and academic staff suffered unredeemable damage which caused national scientific stagnation.

The documents of the Ministry of Higher Education provide new data, for example, shed light on a specially planned purge (which remained unfulfilled) of the scholars at the departments of Western literature in the higher educational institutions of Moscow.

Keywords: history of philology, science and ideology, cosmopolitanism, 1949, anti-Semitism, totalitarianism, educational policy, Moscow State University

Information about the author: Pyotr A. Druzhinin, Ph.D., freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: petr@druzhinin.ru